

Гебист магнетический

“...Он обладал, по моему восприятию, каким-то магнетическим влиянием”.

В.И. Воротников

КАК БЫСТРО БЕЖИТ ВРЕМЯ... В памяти всё было словно вчера, а между тем, прошло уже двадцать лет — целая смутная эпоха — с той поры, как 9 февраля 1984г. в Кремлевской больнице в Москве скончался, не дотянув совсем немного до своего 70-летия, Юрий Владимирович Андропов, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, "выдающийся деятель ленинской партии и Советского государства, пламенный патриот социалистической Родины, неутомимый борец за мир и коммунизм". Слова, что в кавычках, заимствованы мной из Обращения ЦК КПСС, Президиума ВС СССР и Совмина СССР к Коммунистической партии, к советскому народу в связи с кончиной Андропова. Смерть Андропова повлекла за собой для советского общества далеко идущие негативные последствия. В конечном счете она явилась одной из главных, если не главной причиной постигшей Россию в облике СССР всего лишь через несколько лет после 9 февраля крупнейшей за всю её историю геополитической катастрофы. Дальше я попытаюсь обосновать это свое утверждение, которое сейчас многие читатели воспримут, наверное, как преувеличение.

Помимо масштаба эпохального, смерть Андропова, в силу сопутствовавших ей некоторых побочных обстоятельств, явилась значительным фактом и моей собственной биографии. Суть в том, что, став генсеком, Андропов перевел из Томского обкома в Москву Егора Кузьмича Лигачева, возвысил его до уровня секретаря ЦК по оргпарработе и приблизил к себе. Лигачев, в свою очередь, пригласил меня на роль одного из своих помощников. Таким образом, пребывание Юрия Владимировича на посту генсека принесло мне заметное и, как тогда думалось, перспективное продвижение по служебной лестнице. Может быть, по этой причине неожиданная кончина Андропова воспринималась мною как серьезная личная утрата. Кроме этого в ту пору я считал — как, впрочем, продолжаю считать и сейчас — безусловно правильными действия Андропова на посту Генерального секретаря. Смерть генсека вызывала опасения, что начатый им политический курс не будет продолжен. Словом, в те невеселые дни я искренне разделял скорбь абсолютного большинства советских граждан по поводу кончины Андропова, тревожно размышляя вместе со всеми над вопросом: "Что же теперь будет?". Но это — только одна сторона моего жизненного опыта той поры.

Вторая, намного более существенная с точки зрения корректировки моего понимания окружающей политической реальности, состояла в том, что именно в дни похорон Андропова я впервые столкнулся с фактами, которые не укладывались в сложившуюся до этого в голове привычную и, как мне тогда казалось, абсолютно бесспорную картину событий. Отсюда в душе с годами стали прорастать побеги многочисленных сомнений и подозрений касательно как личности Юрия Владимировича, так и его подлинной роли в судьбе советских народов. Первое поразительное откровение выпало на мою долю при прощании с телом покойного генсека в Колонном зале Дома Союзов. Для широкой публики доступ к телу открывали 11 февраля с 15 часов. За полчаса до этого прощались работники аппарата ЦК КПСС. Разобравшись перед входом в Дом Союзов по два, мы стали подниматься по лестнице, увитой гирляндами из хвои, в Колонный зал. Вся церемония и внутреннее убранство были всем нам хорошо известны, поскольку чуть более года назад сотрудники аппарата точно так же прощались с телом Брежнева. Та же драпировка красными и черными полотнищами стен Колонного зала, выстуженного уличным морозом; так же затянуты черным крепом люстры и зеркала; тот же густой тошнотворный похоронный аромат от несметного количества прощальных венков из хвои и живых цветов; та же тихая надрывная музыка симфонического оркестра, расположившегося в левой стороне зала; так же склонены боевые знамена родов войск в изголовье покойного. Гроб установлен слева по ходу зрителей на закамуфлированном венками постаменте с наклоном от головы к ногам и ярко освещен электрическим светом, так что лицо покойного хорошо просматривается идущими вместе мимо. У передней стенки постаumenta сделана специальная подставка, на которой укреплены подушечки с государственными

наградами покойного. Их было на удивление немного. Позже я узнал, что у Андропова, как ни странно, не было военных наград, хотя в пропаганде он слыл одним из организаторов партизанского движения в Карелии в годы войны. Почему его военные заслуги, если они действительно имели место, правительство не вознаградило — лишь одна из множества других загадок его в целом загадочной биографии.

Мне уже как-то доводилось писать, что в одутловатом, водянистом лице покойного Юрия Владимировича меня больно зацепила сочувствием к умершему тень жестокого, неутоленного даже смертью страдания, которая проступала, несмотря ни на что, сквозь косметический грим. Мелькнула мысль, что врачи слишком долго не позволяли душе изнуренного болезнями генсека освободиться от земных уз. Но вслед за этим в мозгу вдруг вспыхнула удивительная догадка, что человек, чье лицо в круге яркого света лежало сейчас передо мной на гробовой подушке, при жизни, вне всяких сомнений, был евреем. Это показалось мне тогда настолько неправдоподобным, что я невольно замедлил перед гробом шаг, стараясь получше рассмотреть открывшуюся взору картину. И тут же чья-то твердая рука взяла меня под локоть, и аккуратный мужской голос проговорил над ухом: "Не задерживайтесь ...".

Надо сказать, что вживую я видел Андропова только один раз, в декабре 1982г. на Торжественном заседании в Кремле по случаю 60-летия образования СССР. Однако лицо Юрия Владимировича, стоявшего за трибуной, из глубины зала было не разглядеть в деталях, да у меня и не было причин стараться его разглядывать. Никаких вопросов по поводу национальности преемника Брежнева тогда у меня просто-напросто не возникало. Собственно, и в Колонном зале при прощании поразила не сама возможность того, что умерший генсек и глава Советского государства мог быть евреем. Почему бы и нет? Советские законы не запрещали гражданам СССР любой национальности занимать любые руководящие посты в партии и органах государственной власти. Однако поразило то, что за все 15 лет, когда Андропов возглавлял КГБ СССР, а затем 15 месяцев, когда он был генсеком ЦК партии, я ни разу, нигде, ни при каких обстоятельствах, ни в каких социальных средах не слышал никаких комментариев, домыслов, анекдотов, сплетен по поводу национальной принадлежности человека, длительный срок находившегося на столь мощно обрабатываемых антисоветской пропагандой постах в системе высшей власти в СССР.

Позже, размышляя над этим феноменом, частично объяснил его самому себе изначальным отсутствием со своей стороны какого-либо интереса ко всякого рода национальным дразгам и пересудам. Судьба сложилась так, что учился я в русской провинции, работал на рудниках на Украине, потом снова учился в Московском университете. Всегда вокруг были представители самых разных национальностей. Однако за время вплоть до окончания МГУ не могу вспомнить ни одного национального конфликта между окружающими меня людьми. Может быть, по этой причине тема национальностей никогда не пробуждала во мне интереса. Когда в 1981г. пришел на работу в ЦК, то увидел, что и здесь среди работников аппарата так же не принято педалировать тему национальных различий. Но зато из внешнего мира, из-за стен ЦК по разным информационным каналам до аппаратных служб доходило в то смутное время перемены власти чудовищное количество самых невероятных сплетен, слухов, анекдотов, фальшивок, имеющих своей целью дискредитацию высшего руководства партии по признакам физического здоровья и национальной принадлежности. Скрыться от этого не было никакой возможности. Особенно доставалось Брежневу. Его супруга Виктория Петровна была ославлена этими потоками информационного мусора как "сто процентная жидовка", которая манипулирует своим "впавшим в маразм" супругом в интересах мирового еврейства. Фамилия "Сулов" разоблачалась как псевдоним еврея и русофоба. Еврейские корни обнаруживались в родословных Щербицкого и Черненко. Само собой были заклеены как тайные евреи Гришин, Кириленко и Устинов... Невероятно и удивительно, но только Андропову чудесным образом удавалось избежать анонимных обвинений со стороны доходившей до аппаратных коридоров "народной молвы" в тайной принадлежности к еврейской расе. Ну, может быть, не были ославлены "евреями" еще только казахстанский лидер Кунаев и свежееиспеченный член Политбюро сельхозник Горбачев. Вот, собственно, почему, возникшее у меня в Колонном зале подозрение, что на самом деле единственным реальным евреем в составе тогдашнего Политбюро был именно Андропов, так сильно озадачило и ввергло в соблазн многочисленных сомнений. Но это оказалось не единственным открытием.

В МОСКВУ ДЛЯ ПРОЩАНИЯ С ТЕЛОМ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА, а затем и участия в его похоронах, съехались со всех концов света великое множество высоких делегаций. Были, естественно, представлены едва ли не все существующие в мире коммунистические, рабочие и другие левые партии

и движения. Но прибыли и правительственные делегации западных капстран, причем большинство первым составом. Вчерашние враги и шумные критики дружно простили Андропову и то, что он 15 лет возглавлял ненавистный Западу КГБ; и то, что, будучи в 1983г. лидером СССР, он вел чрезвычайно острую полемику с США по проблемам ядерного разоружения, что, впрочем, не мешало Штатам разместить в Западной Европе свои "першинги"; простили и то, что при Андропове советские ПВО сбили южнокорейский авиалайнер, вторгшийся в закрытое воздушное пространство СССР. Это было, в общем-то, удивительно хотя бы потому, что в те дни в памяти еще не стерся грубый инцидент, имевший место в 1975г. во время визита в Англию делегации советских профсоюзов во главе с председателем ВЦСПС Шелепиным. В 1958-1961гг. Шелепин работал председателем КГБ. Несмотря на то, что с той поры и до момента визита прошло без малого полтора десятка лет, в Англии были инициированы шумные протесты против приезда в страну "ищейки КГБ и душителя свободы". Получился большой скандал, положивший конец политической карьере Шелепина. И вот теперь не кто иной, как сама английский премьер Маргарет Тэтчер прибыла в Москву, чтобы лично воздать дань уважения и присутствовать на похоронах человека, который прослужил в роли председателя КГБ в пять раз дольше Шелепина. Разве не удивительно?

В это же время на разворотах центральных газет публиковались послания от зарубежных и советских органов и организаций с выражениями скорби по поводу кончины Андропова. Естественно, появилось и заявление "От Комитета государственной безопасности СССР". В нем недавние коллеги и подчиненные Юрия Владимировича сообщали, что связывают с его именем "творческое развитие ленинских принципов в деятельности органов и войск КГБ", и что под его руководством "была разработана и успешно осуществляется научно обоснованная, выверенная жизнью программа деятельности по обеспечению государственной безопасности страны в условиях развитого социализма". Заканчивалось послание следующими торжественными словами: "Глубоко скорбя по поводу тяжелой утраты, мы заверяем Центральный Комитет родной Коммунистической партии, Советское правительство в том, что коммунисты, весь личный состав органов и войск КГБ будут и впредь верным боевым отрядом партии, сделают всё для того, чтобы надежно обеспечить государственную безопасность нашей великой Отчизны". Красиво! Сейчас так писать, увы, уже не умеют. Легко представить себе, с каким большим внутренним волнением и вместе с тем с одобрением читали эти скорбные и одновременно полные мужества слова своего московского начальства сотрудники всех штатных и нештатных ячеек КГБ, разбросанных, словно пчелиные соты, по всей территории СССР, а также на территориях зарубежных государств. Несомненно, вчитывались в них и сотрудники Ленинградского УКГБ, в одном из отделов которого скромно занимался "нудной бюрократической работой" майор Путин. Ей-ей, не думал он и не гадал, что именно ему в недалеком будущем выпадет карма добить во имя интересов капитала и опять же для блага "великой Отчизны" истерзанные в предыдущих политических склоках последние упрямые отряды "родной Коммунистической партии", чей былой организационный и политический монолит источили в труху, на глазах и не без участия КГБ, а затем распылили на бескрайних постсоветских пространствах крысы предательства.

В понедельник 13 февраля (мрачное совпадение!) Пленум ЦК КПСС, заседавший в Свердловском зале Кремля, назвал имя нового Генерального секретаря. Им стал Константин Устинович Черненко, 1911г. рождения. Известие об этом имело шокирующий эффект как для аппарата ЦК, так и для всей партии. Как, впрочем, и для страны в целом. Сам по себе Черненко был достойным человеком, безупречным в нравственном отношении. Однако в силу ряда причин он не пользовался авторитетом ни в партии, ни в обществе. За ним не было никакого потенциала, который позволял бы ему претендовать на столь высокий пост — ни административного, ни политического, ни силового. И вдобавок он был крайне слаб физически, что хорошо просматривалось по телевизору. Демонстрационная часть избрания Черненко генсеком была срежиссирована умными людьми так, что от имени Политбюро его кандидатуру предложил Пленуму 79-летний предсовмина Тихонов, слывший ещё одним "верным брежневцем". Явление двух этих слабых старых людей на политической вершине страны, и без того измученной многолетним зрелищем брежневского увядания, произвело гнетущее впечатление. Как будто бы сам Брежнев вдруг встал из могилы, отряхнул с пиджака землю со снегом и пошел на свое прежнее рабочее место. В обществе возникло состояние, похожее на то, которое психологи обозначают словом фрустрация: в душе крушение всех надежд, тревога, подавленность, и вместе с тем веселая отчаянная злоба — дать бы кому-нибудь в морду, а там будь что будет. По моим впечатлениям, именно в такое состояние привело общество избрание Черненко генсеком. Врезать хотелось и самому новому генсеку, и Пленуму, да и всей 18-миллионной на тот момент КПСС, не способной родить из себя нормального лидера. В общем и целом ущерб авторитету партии в глазах народа был нанесен невосполнимый.

Лишь немногие люди в руководстве партии и, конечно же, в КГБ знали подлинный смысл произошедшего. Знали, что Черненко слаб не от возраста, а по причине тяжелейшего отравления, чудом пережитого им за полгода до смерти Андропова. Знали, что идея назначить Черненко своей марионеткой на посту генсека пришла в голову министру обороны СССР маршалу Устинову, и была реализована им при поддержке первого заместителя предсовмина СССР, министра иностранных дел СССР Громыко. Знали, что безвольное решение Пленума ЦК означало в сути своей согласие на сосредоточение всех основных рычагов политической и государственной власти в СССР в руках маршала Устинова, который как член Политбюро контролировал наряду с Вооруженными Силами СССР так же и отрасли ВПК. То есть был военным "суперминистром", продвинутым в свое время на министерский пост Андроповым. С февраля и до момента смерти в декабре 1984г. маршал Устинов был в СССР одновременно и ЦК, и Совмин, хотя официальная политическая пропаганда продолжала жонглировать словами о "руководящей и вдохновляющей роли КПСС". Но, конечно, в дни похорон Андропова только особо посвященные знали или догадывались об этих раскладах. Остальная масса, включая и меня самого, в душе изливала негодование на бедного Черненко.

В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ, НАВЕРНОЕ, трудно придумать ситуацию, в которой было бы так же мало подлинно человеческих чувств, как мало присутствует их на всякого рода государственных похоронах. На тех похоронах лидеров брежневской эпохи, которые мне довелось наблюдать собственными глазами, таких чувств, по-моему, не было вообще. Лишенным малейших признаков таинства и трагизма был сам ритуал похорон. Открытый гроб с телом покойного устанавливали перед входом в ленинский Мавзолей, ногами в сторону Кремля, а головой к армейским коробкам, выстроенным под знаменами родов войск вдоль стен ГУМа. В изголовье гроба, пред ликом отчужденно вззирающего на них со всех сторон великого Государства, смущенно жмутся несколько ближайших родственников умершего. И вот большие начальники, в надвинутых глубоко на уши меховых шапках, медленно появляются на трибуне Мавзолея; кремлевские куранты бьют двенадцать, и вслед за этим начальники принимаются бросать в гроб сверху вниз свои тусклые, словно свинцовые чушки, слова. Именно так все и происходило двадцать лет тому назад, 14 февраля 1984г., на похоронах Андропова.

День тогда выдался солнечным, почти весенним, с легким свежим морозцем. Небо было чистым, синим. Мне по пропуску досталось место на левой гостевой трибуне, тесно заполненной иностранными гостями, представителями московских коллективов и организаций, работниками аппаратов ЦК и столичных парткомов, военными. Рядом со мной стоял, зябко втянув голову в плечи и подняв воротник теплой куртки, мой коллега из Отдела науки ЦК. В структуре отдела имелся сектор, который занимался партийными организациями учреждений здравоохранения. Он так и назывался — сектор здравоохранения. Мой сосед на трибуне был давним работником этого сектора и по долгу службы неплохо разбирался в закулисной жизни советских медицинских кругов. Мы с ним вполголоса обменивались комментариями по поводу разворачивавшегося перед нашими взорами похоронного действия. Честно сказать, для меня явилось тогда сюрпризом, что, судя по его отдельным сдержанным репликам и мимолетным гримасам лица, он, в отличие от меня, явно не был поклонником политических талантов Андропова.

Между тем с трибуны Мавзолея слабым голосом, задыхаясь и всхлипывая, перечислял высокие достоинства "безвременно ушедшего от нас" новый генсек Черненко. Много лет, еще с войны, он страдал эмфиземой легких, вдобавок был заядлым курильщиком. Поэтому легкие были самым слабым местом его сибирского организма. Не помню точно, то ли в своей речи на митинге, то ли накануне, выступая на Пленуме, Черненко обронил об Андропове фразу: "нам всем будет его не хватать". Увы, он и не предполагал сколь непродолжительными окажутся его страдания, вызванные "нехваткой Андропова". Осенью того же 1984г. служба личной охраны и кремлевские врачи вынудят Черненко отправиться в очередной отпуск в сырой холодный воздух горного санатория в Кисловодске. Там он окончательно сляжет. Через десять дней после ухода в отпуск врачи в экстренном порядке вывезут его обратно в Москву, но уже на носилках. Спустя несколько месяцев больничных мук, 13 марта 1985г. мертвое тело бедного генсека Черненко уложат в промерзшую землю рядом с тем, кого, как он надеялся, ему ещё долго будет не хватать.

Следом за Черненко заговорил низким голосом с чуть заметным белорусским акцентом корифей советской дипломатии, ставший при Андропове ещё и первым заместителем предсовмина СССР Громыко: "Жизненный путь Юрия Владимировича — яркий образец беззаветной преданности великому делу коммунизма. Он был верным сыном своего народа...". В марте 1985г., предварительно

проводив в последний путь маршала Устинова, а вслед за ним и генсека Черненко, 76-летний Громыко по своему реальному политическому весу на момент окажется "номером 1" в составе Политбюро. Он использует этот шанс, чтобы выторговать себе пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР ценой продвижения в новые генсеки партийного прожектера и звонаря Горбачева. Сделка состоится, в чем Громыко будет горько каяться и за что будет казнить сам себя до своего последнего часа. "Это какой-то звонок, а не мужчина, к тому же злопамятный", — скажет он о своем выдвиженце. Оплеванным и униженным горбачевской кодлой умрет 2 июля 1989г. Андрей Андреевич Громыко, последний мининдел СССР высокой сталинской пробы, с великим трудом, почти уже из небытия, прошептав склонившемуся к его изголовью сыну прощальных два слова: "осторожнее...хорошо".

После Громыко к микрофонам подошел Малин, Герой Социалистического Труда, кузнец-штамповщик Московского автозавода им. И.А. Лихачева. Громко, не сбиваясь, он рассказал, что "вся жизнь Юрия Владимировича Андропова служит примером классового, подлинно ленинского подхода к решению важнейших общественных проблем". Затем над площадью забубнил старческий с хрипотцой голос 74-летнего маршала Устинова. С моего места не было видно, какую позицию он занимает на трибуне Мавзолея. Однако завтра на газетных снимках с похорон он располагался рядом по правую руку от Черненко, ясно обозначив тем самым свою роль главной опоры нового генсека. "Советские Вооруженные Силы, — бубнил Устинов, — склоняют свои, овеванные героической славой, боевые знамена пред гробом Юрия Владимировича Андропова — видного сына Коммунистической партии, пламенного советского патриота и интернационалиста, нашего боевого друга и товарища". Недолго, совсем недолго оставалось многомудрому маршалу Устинову держать в своих руках овеванные героической славой знамена. Самым первым из всех, кто взирал 14 февраля с трибуны Мавзолея вниз на покойного Андропова, отправится маршал в гробу вслед за своим "боевым другом и товарищем". В декабре 1984г., вскоре после проведения маневров вооруженных сил стран-участниц Варшавского Договора, смерть таинственным образом настигнет сразу четырех министров обороны. В считанные дни между 2 и 20 декабря скончаются: министр национальной обороны ГДР, генерал армии Гофман; министр обороны ВНР, генерал армии Олах; министр национальной обороны ЧССР, генерал армии Дзур; и последним 20-го декабря — министр обороны СССР, маршал Советского Союза Устинов. Смерть маршала будет столь неожиданной и трудно объяснимой, что в своих воспоминаниях даже такой искусный составитель медицинских заключений о болезни и причинах смерти большой группы высших советских руководителей, как начальник Четвертого главка при Минздраве СССР дважды академик Чазов, вынужден будет развести бессильно руками: "смерть Устинова была в определенной степени нелепой и оставила много вопросов в отношении причин и характера заболевания". Общественность эти вопросы не озаботят.

Когда Устинов завершил чтение своей речи, над Красной площадью как бы пролетел едва ощутимый ветерок всеобщего расслабления. Словно бы кто-то незримый скомандовал, едва шевельнув губами, но тем не менее понятно для всякого и каждого: "Вольно!". Стало ясно, что митинг перевалил за высшую точку, и дальше церемония пойдет резвее. Зрители задвигались, оживились. Легкая рябь осторожной телесной разминки пробежала по воинским шеренгам у стен ГУМа. Нетерпеливо вполуха прослушали сообщение первого секретаря Правления Союза писателей СССР Маркова о том, что "уму и таланту Юрия Владимировича были подвластны глубинное проникновение в суть сложнейших процессов современности, их подлинно научный анализ". Последним, торопливо, чтобы не задерживать публику, выступил с информацией о глубокой скорби своих земляков лидер карельских коммунистов Сенькин. На этом словесная часть церемонии закончилась, и люди с главной трибуны потекли темной чередой вниз, к гробу. Там возникла некоторая сутолока, появилось много военных. Что они делали с нашего места было не разглядеть. Кремлевские куранты ударили час дня, грохнул залп ружейного и тут же, издали, орудийного прощального салюта. Стало быть, гроб опустили в могилу. Военный оркестр заиграл Гимн Советского Союза. В это же время по всей стране остановили на пять минут свою работу все предприятия и организации, за исключением предприятий непрерывного производства. На три минуты прощально загудели гудки на фабриках, заводах, на судах морского и речного флота. И вот Гимн стих. В минутную паузу тишины раздалась красивые, полные жизни и силы звуки военной команды. Снова грянул оркестр, но теперь уже маршем, и под развернутыми боевыми знаменами, бодро, с хорошим настроением пошли перед Мавзолеем застоявшиеся на морозце, ладно сбитые воинские коробки. Прости, видный сын Коммунистической партии Юрий Владимирович, и прощай навсегда...

НА РАБОТУ В ЦК МЫ С КОЛЛЕГОЙ ИЗ СЕКТОРА здравоохранения возвращались с Красной площади вместе. Хорошая погода, пережитые впечатления располагали к неспешной прогулке и философским размышлениям. Под настроение я принялся рассуждать о том, что смерть Андропова явилась для основной массы населения страны в общем-то неожиданностью. Конечно, в последнее время генсек не появлялся на людях, было ясно, что он болен, но все-таки мало кто думал, что его болезнь смертельна. Странно. Взять того же Брежнева. О том, что он не жилец, вся Москва принялась судачить лет за пять до того, как он и в самом деле умер. Ходила острота, будто он рулит страной, не приходя в сознание? А с Андроповым вышло не так: всё как бы ничего, и вдруг — на тебе.

— Чепуха все это, — возразил мне мой спутник. — Если уж кто и пробовал рулить без сознания, так это как раз Юрий Владимирович. Он уже с конца 60-х почти официально числился инвалидом. Брежнев по части здоровья в ту пору был орел. Между прочим, слышал от врачей, за день до смерти Брежнев у себя в Завидове выезжал на охоту. Вот так! Охотился, а не лежал мокрой тряпкой в ЦКБ, как Андропов. Неожиданно умер, на самом деле, Брежнев. По крайней мере для медиков. А с Андроповым было давно все ясно.

— Про охоту враньё, — возразил я, — все знают, что Брежнев последнее время был совсем плохой.

— Плохой не плохой, но на охоту выезжал. Факт. Ну, наверное, не бегал с карабином за зайцами, однако же... И на Торжественном был на Октябрьскую. Ты же сам видел.

Действительно, последний раз я видел Брежнева вживую за несколько дней до его смерти, 5 ноября 1982г. на Торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Тогда он мне показался человеком грузным, по-стариковски медлительным, сильно уставшим от власти и жизни. Но далеко не такой развалиной, какой его рисовала народная молва. Вообще, на крупных мероприятиях в аппарате ЦК мне доводилось наблюдать и некоторых других секретарей ЦК, о физическом состоянии которых по Москве бродили в изобилии самые невероятные истории: Кириленко, Суслова, Черненко... На самом деле, они выглядели людьми, хотя и немолодыми, но в общем-то адекватными их положению и роли в обществе.

— Тогда откуда же все эти слухи, будто Брежнев выжил из ума, и в ответ на стук в дверь читает по бумажке: "Кто там?"; будто Кириленко без помощи охранника не может слезть с унитаза; будто Суслов от старости забывает перед сном снять галоши. Откуда всё это? — загадал я своему спутнику загадку.

— Это не слухи, — ответил он, — это пропаганда. И это нормально. В политике все друг друга мажут. По-настоящему здесь интересно только одно: почему мажут всех, кроме Андропова? Ведь по здоровью он всегда был самым больным в ПБ. — Пару минут мы шли молча, потом мой опытный в аппаратной жизни товарищ подрессорил свои слова: "Впрочем, это не наш с тобой вопрос, давай сменим тему".

Вот так я получил ещё один повод для размышлений о загадочном характере личности Андропова. Выходило, что хотя по роду службы я был достаточно близок к руководящим верхам КПСС, мои представления о ключевых фигурах этих верхов не соответствовали действительности. Похоже, где-то рядом существовали силы, которые активно формировали для широкой публики образы советских лидеров в нужном для этих сил ключе. И делали это весьма успешно. Если уж достали меня, во всяком случае не самого несведущего по части партийных секретов человека, то что же говорить о простодушных гражданах, живущих вдали от коридоров Старой площади. Вернувшись в свой рабочий кабинет, я раскрыл лежавшую на столе папку с утренней порцией служебной информации. Сверху попался на глаза листок с записью выступления на зарубежном радио писателя Андрея Битова. Беглый "инженер человеческих душ" излагал свои или, может быть, чьи-то ещё мысли о положении в СССР. Следующей шла информация ТАСС о передаче "Голоса Америки", посвященной Андропову. Кто-то, кто просматривал текст до меня, жирно отчеркнул красным фломастером фразу зарубежного комментатора об Андропове как о "наиболее умном и культурном советском лидере со времен Ленина". "Ну надо же, — подумалось, — как быстро разобрались. Всего-то и поработал человек несколько месяцев, а уже стоит рядом с Лениным".

Много воды утекло с тех пор, много чего было опубликовано в печати и выяснилось из разговоров с знающими людьми, отчего мое отношение к бывшему кумиру изменилось с точностью до наоборот. Если раньше Андропов представлялся мне политическим деятелем наивысших достоинств, которому лишь злой рок помешал принести великую пользу на службе советскому народу, то теперь считаю его

главным, хотя, может быть, и невольным виновником постигшей Советский Союз исторической катастрофы. Всё это прояснило для меня время. Однако хорошо помню, что впервые был ввергнут в сомнения относительно привычного понимания Андропова как политика именно в дни его государственных похорон.

В НЫНЕШНЕЙ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ Андропов имеет хорошую прессу. Причем в большинстве случаев комплиментарную. О нем пишут лестные книжки и статьи, его расхваливают на интернетовских сайтах и по телевизору, объявляют духовным и политическим предшественником президента Владимира Путина. В общем это удивительно, поскольку сегодня в России бал вроде бы правят идейные и политические антагонисты Юрия Владимировича. Скажем, при жизни он слыл истовым коммунистом, то есть убежденным противником частной собственности как главного источника всех зол, существующих в отношениях между людьми. Однако сегодня в России интересы частного собственника, разбогатевшего на грабеже национальных богатств СССР, поставлены во главу угла, а уровень эксплуатации бывших советских трудящихся в разы превосходит уровень эксплуатации, существующий в европейских капстранах. Далее, полтора десятилетия Андропов возглавлял службу Государственной безопасности СССР. Между тем сегодня в России власть и богатства принадлежат людям, так или иначе содействовавшим уничтожению СССР, хищническому, то есть без учета интересов народа, разделу территории страны, и повторному, после 1917г., экономическому закабалению основной массы его населения. Или ещё. На посту председателя КГБ Андропов шумно, хотя и малоэффективно, боролся с так называемым "диссидентским движением в СССР", обвиняя его немногочисленных участников в том, что они находятся на содержании западных спецслужб. Сегодня бывшие "диссиденты", живые и преуспевающие, издают книжки, в которых, не стыдясь, откровенно льстят политическим талантам и деяниям своего бывшего гонителя. Среди творений подобного рода претендует на роль серьезного исторического исследования книга Роя Медведева "Неизвестный Андропов", изданная в 1999г. московским издательством "Права человека". Явно, а чаще неявно, она используется российской пропагандой как основной теоретический источник современной политической апологетики Андропова. Поэтому в дальнейшем я приведу при случае несколько примеров, когда Рой Медведев откровенно манипулирует фактами в интересах освобождения Андропова от исторической ответственности за некоторые из его действий в большой политике. Вообще в политической биографии Андропова есть несколько вопросов или тем, вокруг которых нынешними почитателями Юрия Владимировича сознательно создается особо густая путаница всевозможных теорий, догадок, объяснений, предположений, или напротив — возводится непробиваемая стена умолчаний. Так что до истины, кажется, никогда и не добратся. Во-первых, это, конечно, родословная Андропова. Во-вторых, его образование. Здесь фишка в том, что "наиболее умный и культурный советский лидер" не имел сколь-нибудь серьезного образования. В-третьих, никак не комментируются и даже целенаправленно окутываются плотной пеленой умолчаний отнюдь не беспочвенные подозрения, что Андропов использовал оперативные возможности КГБ СССР в интересах личной политической карьеры. В том числе — для политической дискредитации либо физического устранения ряда высших партийных и государственных руководителей СССР. Это, в частности: политическая дискредитация члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя ВЦСПС СССР Шелепина (1975г.), а также члена ПБ, первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Романова (1976г.); смерть при сомнительных обстоятельствах члена ПБ ЦК КПСС, министра обороны СССР Маршала Советского Союза Гречко (апрель 1976г.); труднообъяснимый несчастный случай с членом ПБ, Председателем Совмина СССР Косыгиным, необратимо подорвавший его здоровье (август 1976г.); смерть при сомнительных обстоятельствах члена ПБ, Секретаря ЦК КПСС Кулакова (июль 1978г.); трагическая гибель в обстоятельствах неправдоподобной халатности со стороны служб КГБ кандидата в члены ПБ, Первого секретаря ЦК КП Белоруссии Машерова (октябрь 1980г.); смерть в ходе плановой диспансеризации члена ПБ, Секретаря ЦК КПСС Сулова (январь 1982г.); смерть при сомнительных обстоятельствах в ночь после утренней личной встречи с Андроповым Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева (ноябрь 1982г.); тяжелое отравление при невыясненных обстоятельствах члена ПБ, второго Секретаря ЦК КПСС Черненко. Симптоматично и, с точки зрения серьезной истории крушения СССР, требует правдоподобных объяснений то обстоятельство, что все перечисленные выше случаи, факты и происшествия неизменно имели своим результатом качественное усиление личных политических позиций Андропова. В-четвертых, заступниками и апологетами Юрия Владимировича всячески затушевывается его как Председателя КГБ и самого влиятельного на тот момент из всех членов ПБ решающая роль во втягивании Советского Союза в военные действия в Афганистане в нестабильных условиях процесса смены власти в СССР. В-пятых, сочиняются самые невероятные истории о якобы бывшей ключом до последних мгновений жизни кипучей энергии Андропова. Тем

самым пытаются завуалировать, скрыть от суда истории тот бесспорный факт, что, будучи смертельно больным человеком, Андропов, тем не менее, на протяжении многих лет всячески домогался высшей политической власти в СССР, и что в ноябре 1982г., опираясь на силовые возможности КГБ и советской военной бюрократии, он фактически узурпировал эту власть, будучи чисто физически не в состоянии удержать её в своих руках.

Есть, конечно, немало и других вопросов, над которыми имеет смысл хорошенько поразмышлять каждому, кто лелеет надежду неконъюнктурно определиться в своем отношении к личности Юрия Владимировича и его действительной роли в судьбе СССР.

РАЗНОЕ ПИШУТ И ГОВОРЯТ О РОДОСЛОВНОЙ АНДРОПОВА. Самое разное. Вот, к примеру, в одном из номеров глянцевого журнала для истинных джентльменов "Gentlemen's Quarterly" пересказали якобы популярную в кругах джентльменов легенду, согласно которой Юрий Андропов был на самом деле классиком американского диксиленда Гленом Миллером. По официальной версии, тот погиб в 1944г. в авиакатастрофе, но в действительности, гласит легенда, перебрался в СССР, где стал сначала вторым секретарем Карельского обкома партии, потом послом в Венгрии, потом председателем КГБ и так далее. В подтверждение автор заметки ссылается на якобы имевшее место удивительное внешнее сходство Андропова и американского джазиста, а также на будто бы необычайно хорошее знание Андроповым английского языка. В общем нормальное развлекательное чтение. Есть в нем, однако, и серьезная подоплека. Она в том, что шутки подобного рода создают у читателя ощущение абсолютной непроницаемости, непостижимой таинственности ранних этапов жизненного пути Юрия Владимировича. Уж если он мог быть Гленом Миллером, то куда же дальше?

По сути, в том же духе непостижимой тайны сочиняет о происхождении Андропова бывший диссидент Рой Медведев. Его труд "Неизвестный Андропов" открывается интригующей фразой: "Мало что известно о детстве и юности Юрия Андропова и о его родителях". Ну как же так?! Ещё с тех давних пор, когда Лев Троцкий приклеил Советскому Союзу ярлык "тоталитарное государство", весь мир хорошо усвоил, что в СССР было невозможно занять даже самый маленький руководящий пост, если ты: а) не являлся коммунистическим фанатиком; б) если советская тайная полиция не профильтровала всю твою родословную вплоть до десятого колена на предмет выявления в ней лиц, либо принадлежавших когда бы то ни было к эксплуататорским классам, либо имевших национальную окраску, предосудительную с точки зрения господствовавшего в стране свирепого "государственного антисемитизма"; либо, что уж совсем плохо, и то и другое вместе. И вот теперь читателя хотят убедить, будто в СССР власть принадлежала вахлакам до такой степени, что некто, родившийся в дореволюционном 1914г. в казачьей (!) станице Нагутская, смог подняться с самых низов общества на высшие посты в органах государственной безопасности и в Коммунистической партии так, что при этом никто ни разу не заинтересовался вопросом, кто он есть и откуда взялся. Сомневаюсь, чтобы кто-то нормальный смог в это поверить. В действительности, проблема, скорее всего, в том, что и в современной России, и на Западе есть немало влиятельных людей и группировок, кровно заинтересованных в сокрытии от широкой публики того бесспорного факта, что многолетний председатель брежневского КГБ по национальности был евреем. Мотивы такой секретности, скажу честно, мне не вполне понятны. Хотя, конечно, в плане демократической трактовки некоторых эпизодов поздней истории СССР признание упомянутого выше факта может создать определенные неудобства. Например, не всем, по-видимому, хотелось бы согласиться с тем, что трудности в отношениях властей с гражданами еврейской национальности, имевшие место в СССР в 70-е годы, провоцировались и подогревались госбезопасностью, во главе которой стоял еврей. Но ведь это не более чем частность на долгом пути Юрия Владимировича в большой политике.

Сейчас обнародовано, что матерью Андропова была учительница музыки Евгения Карловна Файнштейн. С отцом дело сложнее. По некоторым данным, им был телеграфист железнодорожной станции Владимир Либерман, сменивший после революции свою фамилию на Андропов. Но, конечно, и здесь, при желании, не трудно добраться до истины. Бывший первый секретарь Краснодарского крайкома партии Сергей Федорович Медунов в одном из своих интервью рассказал, что его собственный отец работал на железнодорожной станции вместе с отцом Андропова и хорошо знал того. По свидетельству Медунова, отец Андропова по национальности был польским евреем. Как у Жириновского. Увы, самому Сергею Федоровичу знание тонкостей родословной Андропова не

принесло в жизни ничего, кроме неприятностей. Летом 1978г., когда он как первый секретарь крайкома был в полной силе, мне довелось встретиться с Медуновым в качестве сотрудника одного из журналов ЦК. Так совпало, что в моем присутствии Медунов по аппарату ВЧ поздравлял маршала Устинова с присвоением тому звания Героя Советского Союза. Изюминка поздравления заключалась в том, что печать ещё не дала официального сообщения о награждении. Это дало собеседникам повод для шуток о неограниченных возможностях "партийной разведки". Разговор продолжался минут 15, был почти приятельским, с остротами и смешками. Интересовались, как дела у членов семьи с той и другой стороны. Маршал расспрашивал о здоровье внучки Медунова, страдавшей, если не ошибаюсь, тяжелым костным заболеванием. Меня вся эта сцена убедила, что за спиной партийного лидера Краснодарского края стоит мощная сила. Поэтому я был озадачен, когда спустя некоторое время по Москве вдруг стали гулять слухи, будто сотрудники КГБ вскрыли в крае большие злоупотребления, а у самого Медунова при обыске на квартире изъяли "4 контейнера ценностей", и что теперь Андропов требует примерно наказать виновного, а Брежнев не выдает "своего". Тогда я ещё, конечно, ни в коей мере не догадывался, что это был типичный гебистский метод подготовки к устранению с политической арены человека, который мешал Андропову. И даже могущества маршала Устинова оказалось недостаточно, чтобы предотвратить расправу. Сергея Федоровича переместили в Москву на малозначительную должность заместителя министра сельского хозяйства РСФСР. В июне 1983г. наступила наконец развязка. Пленум ЦК КПСС под председательством генсека Андропова вывел Медунова из состава ЦК и исключил из партии. По линии Президиума Верховного Совета СССР, где председательствовал опять же Андропов, его лишили всех государственных наград, а по линии правительства освободили от работы. Как в таких случаях заведено, на газетных полосах появились хлесткие разоблачительные статьи и запестрел приговор "медуновщина". Думаю, что жизнь Медунову спасло только то, что через пару месяцев после пленума Андропов сам отправился навсегда в больницу. Годы спустя, на закате лет, Медунов скажет о себе: "Я человек со сладкой фамилией и горькой судьбой".

В порядке комментария к этой истории хотел бы заметить, что, будучи членом партии, сам я с пониманием воспринимал писанные и неписанные правила, нормы или условности партийной жизни. Вместе с тем, во мне всегда пробуждала чувство категорического неприятия практика коллективной расправы на Пленумах ЦК, когда вчерашнему партийному товарищу, ставшему вдруг изгоем, отказывали в праве на попытку объясниться. Было в этом что-то постыдно-волчье, хотя, конечно, волки подобного среди своих не практикуют. На момент июньского Пленума Медунову было 68 лет, партийный стаж 40 лет, из них 7 лет — член ЦК. Он прошел войну от звонка до звонка, оставался в рядах армии до 1947г. Был Героем Социалистического Труда, кавалером четырех орденов Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, несчетного множества медалей. Не менее половины членов Пленума, все члены Политбюро и Секретариата ЦК знали его лично, нередко многие годы. Несмотря на все эти обстоятельства и заслуги, Андропов, с трусливого согласия присутствующих, не позволил Медунову и слова сказать в своё оправдание. В тягостной атмосфере коллективной подлости, чуть пошатываясь, с почерневшим обмякшим лицом, покрытым инеем холодного пота, по красной ковровой дорожке Сергей Федорович покинул зал Пленумов ЦК. Травля Медунова продолжалась и с пришествием к власти Горбачева, с которым, в бытность того первым секретарем Ставропольского крайкома, он соперничал. Однако Сергей Федорович оказался человеком не слабым. Ценой долгих унижительных мытарств по инстанциям он сумел-таки очистить свое имя от грязи гебистской клеветы. В 1990г., несмотря на помехи со стороны тогдашнего президента Горбачева, Прокуратура СССР отменила как необоснованные все выдвигавшиеся против Медунова обвинения. Ему, уже 75-летнему, вернули государственные награды, восстановили в партии. Но сделали это по подлому, без газетного шума и публичных извинений. Он долго болел и умер в Москве в сентябре 1999г., пережив своего мучителя больше, чем на 15 лет.

НА КАКОМ-ТО ЭТАПЕ СВОЕЙ БИОГРАФИИ Юрий Владимирович решил почему-то отмежеваться от собственных родителей. В анкетах в графе "национальность" он стал писать о себе "русский", а в графе "родители" — "сирота". Однако в силу характерной внешности Андропова его действительная национальная принадлежность не являлась секретом для людей, знавших его близко. Вот, например, что пишет на этот счет применительно к Горбачеву автор превосходной книжки "Крушение пьедестала" Валерий Болдин. Став генсеком, Горбачев чрезвычайно раздражался по поводу преувеличенного, как он справедливо полагал, внимания прессы к личности Андропова. Однажды, сорвавшись, пожаловался Болдину: "Да что Андропов особенного сделал для страны. Знаешь, почему бывшего председателя КГБ, пересаженного в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства массовой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да он полукровок, а они своих в обиду не дают". Примечательно, что будучи в большой политике от макушки до пят творением рук, чтобы не сказать выкорыщем Андропова, Горбачев тем не менее на первых порах своего генсекства

демонстрировал обостренную чувствительность ко всему, в чем ему мерещился еврейский след. В отношении своего помощника по международным делам Черняева, по-собачьи ему преданного, указал Болдину: "У него в семье пятый пункт не в порядке, так что ты строго секретную информацию не посылай, может далеко "убежать". Лишь когда дела у него пошли совсем худо, Горбачев сумел преодолеть в себе эту постыдную подозрительность, даже с лихвой.

Наряду с активным пропагандистским мухляжом вокруг вопроса о национальности Андропова, много чего насочиняли ушлые знатоки темы о якобы необычайно широкой образованности и культуре Юрия Владимировича. И впрямь, уж если сам "Голос Америки" поставил его по уму и культуре в один ряд с Лениным, то что же ещё можно добавить? Однако по сугубо формальным признакам Андропов был малообразованным человеком. Виноваты в этом тяжелые условия его жизни в детстве и в молодые годы. Было не до учебы. Сначала он пошел по стопам отца, стал в 16 лет рабочим телеграфа. Однако потом судьба увлекла его в ином направлении. Он поступил в Рыбинский техникум водного транспорта, где и учился в 1932–36 гг., одновременно работая на волжских судах матросом. По большому счету, это и было все его реальное образование. Неоднократно он пытался найти возможность его пополнить, но в силу объективных обстоятельств безуспешно. Однако певцы Андропова не могут смириться с фактом слабого образования их кумира, поэтому пытаются в этой части заморочить головы своим читателям, слушателям и зрителям разными туманными предложениями. Вот, например, каким ловким изгибом обходит эту скользкую тему Рой Медведев: "Вскоре (это 1944 г., когда Андропов стал вторым секретарем Петрозаводского горкома партии. — В.Л.) он начал учиться в Петрозаводском государственном университете, а затем и в Высшей партийной школе при ЦК КПСС". Секрет этой блудливой фразы в том, что Андропов как начал учиться в университете, так же успешно и бросил. Работа секретаря горкома партии в военные годы не оставляла шансов на совместительство. Что касается ВПШ, то Андропов действительно закончил это заведение, но не "затем", а уже будучи председателем КГБ. Причем закончил экстерном. Ей-ей, вот были времена! Сейчас любой плюгавый начальник, едва получит под свою руку аппарат в десяток штатных сотрудников, тут же усаживает половину из них писать ему диссертацию. Андропову в зените собственного могущества было достаточно просто диплома ВПШ. А для чего, собственно, ему нужна была корочка ВПШ? Ответ очевиден: она нужна была как важное условие продолжения политической карьеры. На переломе 70-х и 80-х годов, когда Советский Союз находился на передней линии мировой науки и образования, — а в СССР, напомним, проживало более четверти от общего числа научных работников всего мира, — претендовать на политический пост максимального уровня, не имея при этом высшего образования, было бы, в отличие от послевоенных лет, мягко говоря, неразумно. Диплом ВПШ какой-никакой давал его обладателю право на строчку о высшем образовании в официальной биографии. Хотя, будем реалистами, не давал самого образования. Но удивляет, конечно, не отсутствие у Андропова приличного образования, а беспросветная наглость, с которой его апологеты фабрикует в массовом сознании сказку о якобы выдающихся интеллектуальных способностях, необычайно высокой культуре, широте образования и раскрепощенности политических взглядов Юрия Владимировича. При этом, что примечательно, Андропову в этой части сплошь и рядом противопоставляют Брежнева как деятеля малограмотного, косного, падкого на лесть, любителя выпить, ленивого, всеми силами цепляющегося за власть, несмотря на физическую немощь. Вот, например, как сопоставляет Брежнева и Андропова не какой-нибудь низкооплачиваемый газетный отморозок, а академик медицинских наук Чучалин. В своем труде Рой Медведев рекомендует его "одним из участников лечебного процесса Андропова". По свидетельству академика: "О Брежневе и Черненко рассказывать нечего. В последние месяцы своей жизни они уже не могли ни говорить, ни думать. Андропов же в больнице сохранял ясный ум, хотя у него отказали печень, почки, легкие, и мы применяли внутривенное питание. Двое охранников ухаживали за ним, как за малым ребенком: перестилали кровать, переносили Генсека с места на место. Видеть Андропов мог только одним глазом, но читал много — около четырехсот страниц в день. В последние дни охранники переворачивали ему страницы — сам не мог...". Читаешь этот бред и невольно думаешь: до какой же немыслимой степени испаскудилась, истаскалась по рукам власти верхушка отечественной интеллигенции.

В последний день своей жизни, 9 ноября 1982 г., Брежнев приехал из Завидова в Кремль на работу. Встретил Генсека давний сотрудник его личной охраны Владимир Медведев. Он свидетельствует: "Леонид Ильич появился на работе минут двадцать одиннадцатого. Я встретил его, как обычно, у лифта на третьем этаже. Вышел, пальто осеннее темно-серое — распахнуто, шапка ондатровая — в руках. Улыбается, руку протянул: — Здравствуй, Володя. Я сразу на любимую тему: — Как охота?

— Хорошо".

От себя добавлю, что в былые годы дружил с Олегом Алексеевичем Захаровым, ныне, к сожалению, покойным. Много лет он работал секретарем в приемной Брежнева, от него перешел по наследству к Андропову, потом к Черненко. В тот день 9 ноября было как раз дежурство Захарова. Позже он мне рассказывал, что перед выездом из Завидова ему передали от имени Брежнева указание пригласить к Генсеку на 12.00 Андропова. Сам Брежнев, когда появился, выглядел хорошо отдохнувшим, пребывал в бодром расположении духа, и, что отмечал Захаров, производил впечатление человека, внутренне твердо определившегося в каком-то важном для себя решении. И вот через год мы видим иную картину. Новый Генсек Андропов способен перемещаться по больничной палате только на руках двух своих охранников. У него отказали почки, печень, не работают легкие, он видит только одним глазом, надо полагать, тоже не очень острым. Все равно, упрямится академик Чучалин, он был более дееспособен, чем Брежнев, и мог читать по 400 страниц в день, пусть даже и не имел сил самостоятельно перевернуть страницу. Ну и ну! Правда, у Чучалина в данном случае есть все-таки одно смягчающее обстоятельство. Оно в том, что впервые его безумные откровения обнародовали в феврале 1991г. сиротские "Московские новости". Не исключено, что редакционные умельцы "помогли" академику правильно изложить его воспоминания. Но вот уж для кого точно не придумаешь никаких оправданий, так это для "ученого" Роя Медведева, поместившего весь этот параноидальный продукт вульгарной демопропаганды в свой труд об Андропове в качестве особо авторитетного медицинского свидетельства.

Неугомонные поклонники говорят ещё про Андропова, будто: "Будучи аскетом, он чурался любимых Брежневым развлечений типа роскошного застолья, царской охоты, красивых женщин, страсти к подаркам и наградам", и "постоянно занимаясь самоподготовкой, он стал одним из самых теоретически подкованных и эрудированных руководителей партии". Это фрагменты развесистой клюквы с интернетсайта "bolshe.ru" Дело в общем представляется так, что ежели вдруг Андропов и прекращал на миг ковать себя теоретически, то разве лишь для того, чтобы немного развлечься игрой на клавишине. С Брежневым, конечно, не сравнишь, тот действительно был не чужд земных человеческих страстей. Бывший замначальника 9-го Управления КГБ СССР генерал-майор Докучаев, в частности, свидетельствует: "Слабостью Леонида Ильича были шахматы. Он играл хорошо и азартно. Играл до тех пор, пока не выигрывал. Обычно играли на отдыхе, начинали с 22.00 вечера и кончали далеко за полночь, а то и к утру". А ведь и в самом деле, припоминаю, в брежневские времена шахматы были едва ли не всенародным увлечением. Но документы говорят, что и Юрий Владимирович на отдыхе иногда позволял себе расслабиться. В хвастливой книжке Горбачева "Жизнь и реформы" можно видеть примечательный снимок. На нем Андропов и Горбачев, в компании ещё двух интеллектуалов, в густой благодатной тени южных растений, наслаждаясь законным отпуском, "забивают козла". Юрий Владимирович в белой тенниске с распахнутым воротом. Легкая белая шляпа чуть сдвинута на затылок. Он приятно разгорячен игрой, на лице довольная улыбка. Сразу видно — человек в своей стихии, даром что не на "царской охоте". Справедливости ради, надо, однако, признать, что наряду с восторженными описаниями необычайно широких культурных горизонтов Андропова, попадаются на этот счет и более сдержанные оценки. Тот же Рой Медведев цитирует слова Ивана Клемашева, который сам себя рекомендует "личным врачом семьи Андропова". "Никогда не видел, — пишет Клемашев, — чтобы Андропов читал художественную литературу, и не слышал от него ни слова о литературе, поэзии, философии, религии. Эта область была ему просто незнакома. Он жил не реальным, а искусственным миром кремлевских интриг, а плохое физическое здоровье и отсутствие духовности позволяли тратить остатки сил лишь на удержание своей власти". Рой Медведев энергично дезавуирует слова Клемашева, утверждая, будто никакого "личного врача" у семьи Андропова не было. Это вряд ли, поскольку в семьях других членов ПБ таковые непременно имелись. С чего бы это семью Андропова вдруг подвергли по медицинской части дискриминации? Впрочем, оценки, близкие тому, что сказал Клемашев, мне доводилось слышать и от некоторых других людей из аппарата ЦК, также неплохо знавших Юрия Владимировича по долгу службы.

В АППАРАТ ЦК ВКП(б) АНДРОПОВ ПОПАЛ В 1951г. на роль инспектора по парторганизациям лесной и целлюлозной промышленности с должности второго секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. Помог ему в этом замечательный человек Отто Куусинен — в 1940-1956гг. Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, а с 1957г. и до кончины в 1964г. Секретарь ЦК КПСС. Политическая судьба Куусинена, марксиста добротной европейской школы, была сложной. Сначала он был финским социал-демократом, потом большевиком, приверженцем Сталина, а при Хрущеве стал снова немножко социал-демократом. Одна из наименее известных сторон партийной биографии Куусинена связана с его работой в аппарате Коминтерна с 1921 по 1939гг., где он энергично боролся против троцкистов. В сентябре 1927г. именно Куусинен председательствовал на заседании

Исполкома Коминтерна, когда решался вопрос об исключении из этой организации Троцкого. Этот эпизод особенно укрепил доверие к Отто Вильгельмовичу со стороны Москвы, в том числе и к его рекомендациям по кадровым вопросам. В Москве партийная карьера Юрия Владимировича перешла в дипломатическую плоскость. В 1953г. его направили в распоряжение МИД СССР, а еще через год назначили Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Венгрии. Думаю, что данное назначение было сделано с учетом опыта работы Андропова на территориях, прилегающих к Финляндии, поскольку венгерский язык относится к группе финно-угорских языков. В октябре 1956г., на волне хрущевских "разоблачений" культа личности Сталина, в Будапеште вспыхнул кровавый контрреволюционный мятеж. Совпосол Андропов сыграл важную роль в его подавлении и последующем урегулировании политической ситуации в Венгрии. При этом он взаимодействовал с ведущими представителями партийной и государственной власти СССР, видными советскими маршалами, руководством КГБ, а также с партийной элитой охваченной мятежом Венгрии. События тех дней впервые выдвинули Андропова в мир действительно большой политики, где он смог продемонстрировать свои несомненные таланты дипломата, решительного, умного политического стратега, не боящегося вида крови и личной ответственности за неё. В политической судьбе Андропова подавление венгерского мятежа 1956г. сыграло точно такую же роль, какую в 1793г. в судьбе мало кому известного на тот момент капитана Бонапарта сыграл организованный им безжалостный штурм крепости Тулон. Для Бонапарта Тулон, а для Андропова Будапешт стали символами резкого стремительного поворота их судеб. До конца его дней то, что одни называли мрачной тенью, а другие — славным ореолом венгерских событий, будет сопровождать трудное восхождение Андропова к высшей власти. В 1957г. его отзывают из Венгрии и доверяют руководство отделом, осуществлявшим рабочие контакты КПСС с братскими партиями всех социалистических стран. В 1962г. он уже Секретарь ЦК по соцстранам и перед ним неплохие виды на будущее. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что в апреле 1964г. Андропову доверили чтение от имени ЦК доклада на Торжественном заседании в Москве. Это были многообещающие всепартийные и всесоюзные смотрины. Но получилось так, что спустя полгода Хрущева, при полном соблюдении норм внутрипартийной жизни и демократических процедур того времени, освободили от всех постов и проводили на пенсию за "волюнтаризм". Новым Первым секретарем ЦК КПСС стал Председатель Президиума ВС СССР Брежнев, его место в Президиуме занял Подгорный, работавший до этого вместе с Андроповым Секретарем ЦК. Совет Министров возглавил Косыгин. Втроем — Брежнев, Подгорный и Косыгин — олицетворяли новую коллективную власть в СССР. В газетах того времени их часто изображали идущими вместе.

С отставкой Хрущева в карьере Юрия Владимировича наступил момент, когда он имел реальный шанс навсегда выпасть из обоймы высшей власти. Как водится, грянула зачистка партийных и государственных учреждений от людей, пользовавшихся ранее расположением со стороны "волюнтариста". Для Андропова дело существенно осложнялось тем, что новый премьер Косыгин, набравший тогда большую силу, относился к нему с явным предубеждением. Не многим лучше, с учетом национального пункта, складывались отношения Юрия Владимировича и с нахрапистым украинским специалистом пищевой промышленности Николаем Подгорным. Под грузом свалившихся на него неприятностей Андропов тяжело заболел, несколько месяцев пролежал в больнице. Его здоровье стало таковым, что в 1966г. врачи поставили вопрос о переходе Андропова на инвалидность. Созвали консилиум, со стороны для участия в нем пригласили восходящую звезду советской кардиологии Чазова. Говорят, голос Чазова склонил чашу весов консилиума в пользу того, чтобы позволить Андропову еще какое-то время поработать. Не думаю, однако, чтобы для нового руководства проблема Андропова имела в ту пору только медицинское содержание. Был в ней, наверное, и некий политический смысл, в противном случае никакой консилиум не помешал бы Брежневу как прямому партийному начальнику Юрия Владимировича проводить его на пенсию. Так или иначе, но в мае 1967г. Юрия Владимировича, вместо того, чтобы с почетом проводить на пенсию по инвалидности, назначили Председателем КГБ СССР. Его предшественнику Владимиру Семичастному подобрали менее хлопотную работу, благо для этого подвернулся повод. В день 6 марта 1967г. в посольстве США в Индии объявилась Светлана Иосифовна Аллилуева, дочь Сталина. Больше месяца американцы не могли прийти в себя после такой удачи. Лишь 22 апреля они позволили несчастной жертве идеологической войны ступить на землю их аэропорта им. Дж. Кеннеди.

В ЭТОМ МЕСТЕ, ПРИНЕСЯ ЧИТАТЕЛЮ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ, позволю себе на время отклониться от темы, чтобы, воспользовавшись оказией, рассказать немного об истории Аллилуевой С.И., 1926г. рождения. А то когда ещё соберусь. Прожив на западе 16 лет, она обратилась осенью 1984г. к советским властям за разрешением на возвращение. Соответствующее письмо писала с большим напором, видимо, готовилась к шуму и долгой борьбе за право вернуться. Но тогда уже были другие

времена. Генсеком сидел, вернее, в ту пору уже лежал, Черненко. Ей ответили: нет проблем, приезжайте. Она приехала со своей американской дочерью Ольгой Питерс. Советский МИД попытался извлечь из этого факта какую-нибудь политическую выгоду, но, кажется, не получилось. В Москве с Аллилуевой в дружеской неформальной обстановке побеседовали компетентные товарищи, которым она пространно поведала много чего интересного о том, как с ней работали западные спецслужбы. Я читал запись этого рассказа. Он впечатляет изобретательностью, с которой спецслужбы США выжимали из бедной искательницы свободы все, что могло бы принести им хотя бы какую-нибудь политическую выгоду. В Москве Аллилуева не нашла взаимопонимания с родными детьми, от которых она тайно бежала в 1967г. По её словам, они были разочарованы, узнав, что за 16 лет жизни на Западе она не разбогатела, а лишь обзавелась ещё одной дочкой. В ноябре того же 1984г. Аллилуева прислала очередное письмо на имя Черненко с просьбой разрешить им с дочерью "навсегда поселиться" в Грузии. "Мне не нужны популярность и шумиха, — говорилось в письме. — Мне нужны старые камни моей Родины." Завершали послание следующие слова: "Я обязуюсь — и обещаю ещё раз — встретить с полным пониманием все рекомендации, которые мне предъявят грузинские и центральные руководители, и обещаю мое полнейшее содействие во всех направлениях". Текст был отпечатан на старой портативной пишущей машинке, с провалами шрифта, грамматическими ошибками и исправлениями от руки. Ей ответили: нет проблем, поезжайте. В Грузии возвращенцев приняли без суеты, но радушно. На двоих им предоставили трехкомнатную квартиру в новом доме ЦК КП Грузии, дачу в пригороде Тбилиси, приобрели мебель, предоставили право бесплатного пользования легковым автомобилем по вызову из гаража ЦК. Также предоставили возможность пользоваться лучшими медицинскими учреждениями и санаториями республики. С Ольгой, чтобы помочь ей быстрее войти в новую для неё жизнь, занимались преподаватели русского и грузинского языков, математики. По собственному выбору американская внучка Сталина начала также заниматься музыкой и рисованием, а в республиканской конноспортивной школе — верховой ездой. По слухам, у неё появился друг, сын одного из секретарей горкома партии. Остается добавить, что за недолгий срок пребывания на родине предков Аллилуеву дважды принимал Шеварднадзе, а после его убытия в Москву её так же дважды принимал новый первый секретарь ЦК КП республики Джумбер Патиашвили. Быстро, однако, выяснилось, что Светлана Иосифовна не создана для жизни без "популярности и шумихи". Осмотревшись, она пошла войной на местных родственников и хранителей сталинского наследия, принялась обстреливать из Тбилиси своими посланиями МИД, Верховный Совет СССР и ЦК КПСС, настаивая на своем исключительном праве представлять интересы семьи Сталина, трактовать в том или ином духе отдельные фрагменты семейной истории, а также требуя объективного расследования подлинных обстоятельств смерти И.В. Сталина в 1953г. и её брата Василия Сталина в 1962г. Внутри сообщества людей, претендующих на своё родство с великим вождем, возникли противоречия и склоки. Но Аллилуева слишком долго прожила за границей, чтобы преодолеть дружное сопротивление её поползновениям со стороны сталинской родни, никогда не покидавшей Родину. Тогда, всё на той же убогой портативной пишущей машинке, она написала раздраженное грубое письмо Горбачеву, заявив, что в СССР её заманил сын, который сам "пал жертвой старого чекистского трюка, именуемого "заманиваем через родных". Кроме этого она сообщала в письме, что в Грузии за ней ведется тотальная слежка, что ей с дочерью запретили ходить по улицам, и что их для общения окружили "лично подобранными фрейлинами". Свою жизнь на "старых камнях Родины" она красиво сравнила с жизнью птицы в золотой клетке. По совокупности претензий она потребовала встречи с консулом или послом США в Москве для обсуждения возможности их с Ольгой повторного выезда на Запад. Увы, но и в этот раз скандал не получился. Ей ответили: нет проблем, уезжайте. Перед отъездом она обратилась к Горбачеву с просьбой о личной встрече. Почему-то он от этого удовольствия уклонился, поручив встретиться Лигачеву. Примерно дней десять я готовил для Лигачева необходимые материалы, перечитал все бумаги, связанные с путешествиями Аллилуевой, а заодно просмотрел и её книжки, начиная с "Двадцати писем к другу". Написаны они, за исключением "Писем", не очень тщательно, поскольку хорошо заметно, что именно сочиняла сама Светлана Иосифовна, а что ей вставили государственные "писатели" из американских спецслужб. Член Политбюро, Секретарь ЦК КПСС Лигачев принял Аллилуеву в пятницу 4 апреля в своем рабочем кабинете на Старой площади. Разговор был очень теплым, дружеским, продолжался минут 40. Я вел его рабочую запись. Поначалу Аллилуева пожаловалась на своих детей, которые её не понимают. Потом Лигачев поинтересовался изменилось ли, по её наблюдениям, что-нибудь в СССР с той поры, как она уехала? Она ответила: "У вас очень сильно вырос кинематограф. Советский кинематограф сейчас лучший в мире. А в остальном все по-старому. Вы хотя и отрещиваетесь от Сталина, но идете по сталинскому пути". Затем принялась объяснять, как, по её мнению, следует преобразовать СССР. Это был по-своему забавный монолог. Особенно, когда выяснилось, что за всю свою жизнь в Союзе Аллилуева практически никуда не выезжала за пределы

Москвы. Лигачев по этому поводу развел руками: "Ну это — наша ошибка, это мы виноваты. Вам надо было бы по стране поездить, побывать в хозяйствах, с людьми поговорить. Вам было бы интересно, а то ведь у вас, наверное, определенный круг общения, и вы из него редко выходите...". С этим Аллилуева согласилась. В заключение Лигачев спросил, есть ли у неё просьбы к советскому руководству. Она назвала две. Первая — опубликовать в стране её "Двадцать писем к другу", а то многие думают, будто Аллилуева уехала за границу только из-за денег. Подумав, Лигачев ответил: "Сейчас, наверное, рановато, но опубликуем обязательно". Вторая просьба заключалась в том, чтобы разрешить Ольге приезжать в Грузию на каникулы, поскольку в Тбилиси у неё появились друзья, с которыми она хотела бы продолжать встречаться. Снова подумав, Лигачев сказал, что лично он не видит препятствий для таких поездок. Но, возможно, они будут привлекать к себе внимание прессы. Поэтому для окончательного ответа ему нужно сначала посоветоваться с Михаилом Сергеевичем. После этого собеседники встали из-за стола и стали прощаться. Светлана Иосифовна подобралась, сделалась официальной, и заявила то, что я записал за ней буквально: "Отныне я намерена вести за границей жизнь частного лица, не встречаться с репортерами и не публиковать никаких материалов, которые могли бы нанести ущерб престижу Советского Союза. Это моё твердое решение, я устала от политики и прошу передать мои слова Михаилу Сергеевичу. Прошу также передать извинения за хлопоты, которые мы с дочерью причинили невольно Советскому правительству". Когда за ней закрылась дверь, Лигачев повел для разминки плечами и сказал: "Очень похожа на отца". Вечером того же дня Лигачев лично позвонил в номер 408 гостиницы "Советская", где остановились Аллилуева с дочерью, и сообщил им от имени советского руководства, что Светлана Иосифовна и Ольга могут приезжать в СССР в любое удобное для них время, вместе или порознь, на любой срок. Вскоре после очередного выезда Аллилуевой на ПМЖ за рубеж в информациях промелькнуло сообщение о каком-то её интервью с нападка на Советский Союз. Затем всё надолго стихло, словно бы Светлана Иосифовна и в самом деле, как обещала, уgomонилась. Ан нет, в октябре 1990г. "Московские новости" опубликовали фрагмент её новой книги, исполненный в стиле махровой антисоветчины с надрывными пассажами о "бедном талантливейшем народе" и "тяжком бремени бесстыдной ленинской партии". Помню, что, прочитав этот фрагмент, почувствовал в душе глубокое сострадание к Светлане Иосифовне. Видно, на Западе ей жилось совсем туго. Может быть, даже не всегда было что покушать. А иначе зачем она в 64 года вновь принялась за ремесло, от которого по собственной воле торжественно отреклась в Москве. На свете есть немало женщин, которые зарабатывают тем, что продают своё тело. Светлана Иосифовна нашла иной путь. Она сбежала от своих детей, и прожила большую часть жизни, торгуя на мировом политическом рынке именем своего великого несчастного отца. Интересно, что скажет ей на это при личной встрече её Бог.

Вернемся, однако, к новому назначению Андропова.

ВЕСНОЙ 1966 СОСТОЯЛСЯ XXIII СЪЕЗД КПСС, по итогам которого герои октябрьского (1964г.) Пленума ЦК окончательно утвердились в качестве носителей высшей политической власти в СССР. После съезда, на гнилых принципах консенсуса внутри руководящего триумvirата в лице Брежнева, Косыгина и Подгорного, последовала серия важных кадровых назначений. Вот тогда-то в мае 1967г. и была совершена роковая для страны кадровая ошибка в форме назначения 53-летнего несостоявшегося инвалида Андропова председателем КГБ СССР. Почему это произошло, догадаться трудно, но можно. Очевиден мотив, по которому был лишен удовольствия охранять государственную безопасность СССР 43-летний Владимир Семичастный. В октябре 1964г. он сыграл важную роль в отстранении от власти Хрущева и на этом основании претендовал на особые отношения с новым руководством. Для начальника главной спецслужбы страны это, безусловно, грех. Поэтому решение вернуть Семичастного на Украину было политически оправданным. Что и говорить, для любого государства надежный присмотр за работой собственных спецслужб жизненно важен. Малейшее послабление в этом деле чревато опасностью превращения органов государственной безопасности в независимую политическую силу. А уж дальше непременно найдутся желающие использовать её неограниченные возможности в интересах, не совпадающих с политикой государства. От нынешних толкователей советской истории часто можно слышать, будто Брежнев снял Семичастного потому, что его "боялся". Разумеется, боялся, ведь генсек не был идиотом. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ все боялись. Боялся даже Ленин, когда в декабре 1917г. декретом СНК сам создавал этот замечательный инструмент диктатуры пролетариата. И это притом, что во главе ВЧК тогда поставили проверенного царскими каторгами Дзержинского. И все равно Ленин "боялся", настаивал так и этак, что деятельность Комиссии должна осуществляться не

иначе как под надежным контролем большевистской партии, ибо в противном случае "меч революции" способен превратиться в угрозу для самой революции. Следуя ленинскому наказу, великий русский вождь Сталин держал своих чекистов на строгом поводке. Опираясь на силы РККА, он безжалостно пресекал малейшие поползновения деятелей госбезопасности на самостоятельную политическую роль. После чего, для равновесия, средствами НКВД столь же сурово и столь же действенно лечил от подобной болезни размахивавшихся о мировой славе краскомов. В результате органы НКВД верой и правдой служили своему народу, а за границу их люди если и выезжали, то не за импортным шмотьём и поисками кому бы подороже продаться, а чтобы изучать во имя грядущих побед пролетариата коварные повадки мировой буржуазии непосредственно по месту её дислокации. Вот это были прометеи! Их ещё долго после войны в народе называли "чекистами", хотя ЧК уже не было. Увы, много позже от сытой ленивой жизни, словоблудия, вранья, интриг и от отсутствия строгого партийного поводка бывшие чекисты постепенно переродились в "гебистов" с мутным водянистым взором генерала Калугина, необычайно размножились и стали быть сами для себя, забыв о народе. Такова уж на этом свете режиссура: если героическая история не завершается высокой трагедией, то неизбежно вырождается в низкую пошлость. Куда как лучший пример тому судьба партии большевиков и её детища ВЧК. Им было бы красиво вместе полыхнуть напоследок ярким факелом в решающей битве с мировым злом. А они предпочли численно разбухнуть, разжиреть, обгеморроиться, истаскаться в интригах, чтобы в конце концов, на глазах убитого этим зрелищем мирового пролетариата, рассосаться в соплях горбачевской неолиберальной пошлятины. Жалко. Короче говоря, во всех странах политические и государственные лидеры боятся своих спецслужб, в оба присматривают за ними. Буш — в Америке, Шарон — в Израиле, Ширак — во Франции, Ваджапайи — в Индии... И правильно, как показал печальный опыт СССР, делают.

Решение о выдвижении Андропова на КГБ было изначально политически порочным, поскольку не было продиктовано реальными нуждами обеспечения государственной безопасности СССР, но явилось результатом политического торга участников триумvirата друг с другом. При этом главный выигрыш в форме передвижки Андропова из аппарата ЦК получил вроде бы совсем и не Брежнев, а Косыгин: в те годы КГБ формально существовал "при Совете Министров СССР". Об истинном отношении Косыгина к Андропову знаток этой темы Владимир Крючков пишет: "Не следует думать, что в основе конфликта Косыгина с Андроповым лежали лишь политические разногласия. По наблюдениям многих товарищей, для их отношений была характерна и какая-то личная несовместимость". И ещё он же: "Назначением Андропова на пост председателя КГБ СССР в мае 1967г. Брежнев, с одной стороны, как бы сделал уступку Косыгину, а с другой, значительно укрепил свои позиции, сделав этот важнейший участок полностью безопасным для себя". Но эта "безопасность", как дальше увидим, оказалась опасной иллюзией. В ходе торга был принят во внимание "венгерский опыт" Юрия Владимировича и его осведомленность о положении дел в социалистических странах. Время было беспокойное, назревали события в Чехословакии. Определенные пропагандистские выгоды сулила и национальность Андропова. Во-первых, она страховала нового шефа КГБ от слишком лютых нападков со стороны западных СМИ, поскольку, как справедливо подметил Горбачев, "они своих в обиду не дают". И правда, в пору Андропова Запад вел рутинную пропагандистскую войну против КГБ, но личность самого Андропова затрагивалась при этом крайне редко. Во-вторых, национальная принадлежность Андропова, в силу определенных российских традиций, вроде бы не давала ему поводов для особо рискованных амбиций на будущее, и потому упрощала проблему партийного контроля за деятельностью КГБ. Вот эта иллюзия оказалась самой катастрофической. Со временем она вышла боком и триумvirату Брежнев — Косыгин — Подгорный, и всему советскому обществу. И, наконец, факт, что Андропов становился во главе КГБ, будучи при этом без пяти минут инвалидом, придавал его назначению временный характер. В любой момент, как полагали, его можно будет проводить на пенсию, заменив в КГБ другим человеком. Но Юрий Владимирович, оказавшись во главе КГБ, опроверг все расчеты простодушных участников сделки. Будучи от природы человеком далеко не глупым и не робким, он не стал пассивно ожидать момента, когда другие сочтут для себя полезным проводить его на покой. Вместо этого в той большой политической игре, участником которой волею судеб стал, он сделал свою ставку. На Брежнева.

В первую пору Советской власти в России имелась только одна пара близнецов-братьев: партия и Ленин. Когда говорили "партия", подразумевали Ленин. И наоборот. После мая 1967г. появились новые близнецы: генсек Брежнев и Председатель КГБ Андропов. Сейчас российская пропаганда всячески опускает Брежнева и возвеличивает Андропова, пытаясь таким способом отделить их друг от друга. Но в жизни, имею в виду, конечно, политической, они не могли существовать порознь. Без покровительства и содействия со стороны Брежнева Андропов ещё до начала 70-х непременно оказался бы в отставке. Такой оборот был однозначно предрешен тогдашним составом Политбюро, на 100% не

принимавшим Андропова "за своего": Воронов, Кириленко, Косыгин, Мазуров, Пельше, Подгорный, Полянский, Сулов, Шелепин, Шелест. Но и Брежнев без поддержки, которую ему оказывала служба Андропова, имел мало шансов контролировать ситуацию под неуклонно нараставшим совместным давлением на него со стороны Косыгина, Подгорного, Полянского, Шелепина...

Из других важных назначений той поры отмечу ещё два. В апреле, после кончины маршала Малиновского, новым министром обороны СССР стал Маршал Советского Союза Гречко. До этого он был с 1960г. Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора. Выдвижениями Гречко и Андропова было усилено восточноевропейское направление политики СССР. Однако Андропов одновременно с назначением в КГБ стал ещё и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Это было беспрецедентно для руководителя госбезопасности со времен Сталина. В то же время маршал Гречко равной чести удостоен не был. Это была серьезная политическая ошибка Брежнева, демонстративно обозначившего КГБ в качестве главной опоры своей власти. В результате до 1973г., когда Гречко ввели наконец в ПБ, Андропов получил перед бюрократией СА значительную позиционную фору. Несмотря на всяческое противодействие со стороны военных, он в полной мере использовал её для колоссального наращивания силового и политического потенциала своего ведомства. Эти детали важны для понимания причин, по которым именно маршал Гречко открыл своей необъяснимой смертью в апреле 1976г. череду событий, выкосивших за считанные годы под ноль руководящую верхушку СССР. Но самым первым в 1967г. получил новое высокое назначение 37-летний и.о. директора НИИ терапии АМН СССР Чазов, тот самый, который помог Андропову избежать проводов на пенсию. В январе он был посажен в кресло начальника 4-го Главка при Минздраве СССР, то есть стал командовать кремлевской медициной. По-видимому, с их исторической встречи на консилиуме Чазов был навсегда покорен личностью Юрия Владимировича. Между ними завязалась дружба, вследствие которой Чазов вскоре стал совмещать преданное служение Гиппократу с ролью фактического тайного агента шефа КГБ Андропова в кругах руководителей СССР и членов их семей. В роли агента Чазов контактировал с Андроповым на конспиративных квартирах КГБ, где они вместе искали развязки особо тугих политических узлов. А в роли главного правительственного медика он ставил свой автограф, подкрепленный автографами дюжины подчиненных ему академических чучалиных, на официальных медицинских заключениях о болезни и причинах смерти всех советских руководителей брежневской волны, включая Черненко. Меня в этих медицинских бумажках всегда забавляла финальная фраза: "При вскрытии диагноз полностью подтвердился". Черт возьми, попробовал бы он не подтвердиться! Вообще в пору Чазова в Кремлевской больнице умели хранить самые большие тайны и подтверждать самые неожиданные диагнозы. Об этом говорит, в частности, замечательный врач-хирург Прасковья Николаевна Мошенцева, проработавшая в правительственной медицине более 30 лет. Среди её пациентов была и супруга Андропова, которую она пыталась избавить от наркотической зависимости. Уйдя на покой, Прасковья Николаевна сочинила интересную книжку: "Тайны Кремлевской больницы". В ней есть такая многозначительная фраза: "В истории Кремлевской больницы много неизвестного, загадочного и даже трагичного". Автор оставила нетронутыми почти все трагические загадки. За исключением одной, видимо, особо поразившей женское воображение. Оказывается, актриса Яблочкина умерла от старости в возрасте около ста лет. И — вы не поверите: "Она действительно была девственницей. В этом мы убедились при вскрытии". Любопытные вы наши!

Похоже, Член ПБ Воротников был прав, утверждая, что Андропов обладал даром магнетического воздействия на людей. Многие из тех, кто встречались или работали с Юрием Владимировичем, оставили о нем свои воспоминания, исполненные в возвышенных тонах. Конечно, вне конкуренции здесь бывшие гебистские коллеги Андропова. После госпереворота 1991г. особо предприимчивые из них, используя капризную конъюнктуру, бросились наполнять книжный рынок "совершенных секретов" и "секретных миссий" собственной продукцией. И это разумно, ведь соответствующий сектор общественного любопытства быстро усыхает. Нынешнее поколение гостей на празднике жизни имеет своих скользких тайн столько, что хоть отбавляй. На кой им труха малокровных гебистских откровений о былом, посвященных в основном восхвалению Андропова; выдумкам о том, как все они, молодые образованные и очень талантливые, боролись рука об руку с Юрием Владимировичем за демократию; и как старые противные партийные дядьки из ПБ во главе с Брежневым чинили им в этом всяческие помехи. В этом потоке литературной халтуры попадаются иной раз и работы серьезных авторов, своей жизнью заслуживших доверия и уважения, а также внимательного отношения к их мнению об Андропове. Одна из лучших в их числе, хотя, на мой взгляд, по ряду содержащихся в ней оценок не бесспорная, — книга первого заместителя председателя КГБ СССР, генерал-полковника Грушко "Судьба разведчика". Её автор пишет, что "с профессиональной и человеческой точки зрения" Андропов был лучшим из всех руководителей, при которых ему, Грушко, пришлось работать за 34 года

службы, и что у всех честных работников Комитета память о нем светла. Дальше, в целях экономии места, просто перечислю характеристики, которыми генерал-полковник награждает "лучшего из всех". Итак, он: не относился к ближайшему окружению Брежнева; ни на кого не опирался и ни к кому не приспосабливался; был на голову выше других руководителей; имел искренние социалистические убеждения, решимость осуществить назревшие реформы и дар предвидения; разговаривал со специалистами на профессиональном языке; умел слушать и слышать, видеть связи между явлениями; своим отеческим тоном напоминал Шолохова; глубоко вникал в суть всех крупных операций по линии разведки; испытывал известную обособленность и отчужденность в высшем руководстве страны; готов был пойти дальше других в расширении личных свобод и демократии в нашем обществе; неподкупный и аскетичный активно вступил в борьбу с коррупцией; находился под контролем и известным нажимом идеологического отдела ЦК; его голова работала, как компьютер; обладал глубиной знаний и представлений; был пунктуальным, умел четко и по-деловому формулировать свои мысли устно и письменно; увлеченно перечитывал все идущие на сцене пьесы и вообще очень много читал; писал стихи лирические и политические. Из других источников можно узнать, что Андропов так же глубоко разбирался в живописи и музыке, при этом фанатично любил джаз. У него в квартире после смерти будто бы обнаружили абсолютно все прижизненные и посмертные издания американского джазиста Гленна Миллера. В общем кому как повезло, но мне из мировой истории известна ещё только одна личность, столь же щедро одаренная от природы разнообразными достоинствами. Это был Леонардо да Винчи, правда, тот не занимался политическим сыском и внешней разведкой. В отличие от Виктора Федоровича Грушко, я ни одного дня не работал вместе с Андроповым, и потому, конечно, не в праве оспаривать мнение генерал-полковника. Но, с другой стороны, чисто умозрительно меня все-таки гложет сомнение: возможен ли в принципе где бы то ни было руководитель органов государственной безопасности, который бы "ни на кого не опирался и ни к кому не приспосабливался". В жизни такой был бы похож на одинокого горного орла в бездонной синеве неба, и — "Кавказ подо мною". Но в этой роли нужен ли он государству?

ВСЕ МЫ ОБУЧЕНЫ ИДЕЕ, ЧТО БЫТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ. Чиновники служб безопасности, как и прочие смертные, так же ходят под этим законом. Вот почему восторженное отношение определенной части гебистского сообщества к личности Андропова имеет под собой материальную основу. Время Андропова во всех отношениях было "золотым веком" органов КГБ. При Сталине их постоянно держали в боевой форме, заставляли много работать, строго спрашивали за ошибки. При Хрущеве их унижали, дважды сокращали, глупо обвиняли в смертных грехах, по большей части надуманных. При Брежневе и Андропове настал час отдохновения. На органы снизошла манна небесная в виде обилия новых генеральских должностей, назначений, кабинетов, зарубежных командировок, штаб-квартир, резидентур, особых отделов в ведомстве маршала Гречко и проч., и проч. Совокупным показателем выдающихся материальных заслуг Андропова перед народом КГБ можно считать фантастическое увеличение при нем численности личного состава органов госбезопасности. По фигурирующим в печати данным, эта численность была доведена Андроповым при содействии Брежнева до 480 тыс. человек, а с учетом внештатных сотрудников и работающих по совместительству она превышала и, надо полагать, существенно 1млн. чел. Чтобы в полной мере оценить величие этого достижения "золотого века", сравним его с двумя аналогичными характеристиками. В 1940г. НКВД СССР имел в своих штатах чуть более 32 тыс. оперативных сотрудников. При этом НКВД был единственной спецслужбой в стране, занимаясь наряду с борьбой со шпионами и врагами народа, также пожарной охраной и регулировкой уличного движения. Но тогда люди работали, а не занимались интригами и распространением всяческих слухов о лидерах, как это делает и по сей день, например, бывший ближайший соратник Андропова генерал армии Бобков. В изданной под его именем, местами просто некорректной для бывшего члена ЦК КПСС, книжке "КГБ и власть" он, например, сообщает, будто Брежневу в Грузии "по рассказам" (!) подарили золотой самовар. Как нравится вам высший чин КГБ, который распространяет непроверенные слухи (!) о руководителях страны, безопасность которой он охранял. Не достижениями ли именно подобного рода он в качестве начальника Управления КГБ по борьбе с идеологическими диверсиями (5-е Управление) обязан своей блистательной карьерой при Андропове?

Второй сравнительный показатель численности спецслужб возьмем из нашего времени. По сообщениям прессы, в США создано Министерство национальной безопасности, в организационном отношении аналог КГБ СССР. Общественность напугана астрономической численностью новой спецслужбы — 170 тыс. чел. Это притом, что сегодня США умудряются обнаруживать собственные национальные интересы даже в самых забытых богом уголках земного шара. Теперь перенесем американский стандарт на КГБ "золотого века", т.е. сделаем смелое предположение, что и в том, андроповском, КГБ 170 тыс. чел. могли быть заняты действительно полезным для страны делом. Но тогда закономерно возникает

вопрос: что делали остальные 310 тысяч? С точки зрения исторической науки, это очень важный вопрос, поскольку правильный ответ на него позволяет раскрыть единый источник множества неприятностей, обрушившихся на СССР в эпоху андроповской тотальной бюрократизации органов государственной безопасности. А ответ, между прочим, очевиден. Они занимались тем, чем на генетическом уровне предписано заниматься любому чиновничьему сообществу, т.е. создавали сами для себя и для других людей проблемы, и при этом по экспоненте размножались. Где есть чиновники, там есть проблемы. Жизнь каждого из нас от молодых ногтей и до последнего вздоха есть не что иное, как непрерывное разрешение проблем, которые с опережением непрерывно придумывают для нас чиновники. Это как восход и заход Солнца: не переступишь. Чем больше чиновников — тем больше проблем. Где много чиновников в белых халатах — там много больных; где много чиновников в рясах — там много грешников; где много пузатых чиновников в погонах и с полосатыми жезлами в руках — там больше всего нарушений ПДД; где много чиновников от государственной безопасности — там непременно будет много всякого рода шпионов, террористов и других злодеев. Обратите внимание, сейчас на земном шаре плотность спецслужб на единицу территории максимальна за всю историю человечества. И что, разве мир стал более безопасным? Отнюдь. При посадке на авиалайнер служба безопасности изымает ныне у пассажиров даже миниатюрные пилки для ногтей. Конечно, не потому, что пилкой будто бы можно завалить авиалайнер. Просто где-то есть чиновник, который, возможно, получил за эту идею повышение в классе. Чиновник в любой ситуации придумает, чем отчитаться о проделанной работе перед начальством и кассиром.

Пожалуй, за всю предшествующую историю, начиная с тех далеких послереволюционных лет, когда на молодую Советскую Россию навалились скопом в поисках территориальной халявы войска США, Великобритании, Франции, Италии, Турции, Японии, Китая, Греции, Румынии и Югославии, органы государственной безопасности не выявили столько врагов Советской власти, сколько выявили их подчиненные Андропова. Согласно регулярно поступающим от них сведениям, враги в стране просто кишели. За каждым кухонным окошком, под каждым тенистым кустиком прятался некто, кто писал статейку, опубликование которой, по оценкам КГБ, грозило непоправимо подорвать международный авторитет СССР, а в перспективе обрушить всю советскую политическую систему. Возникло и разнеслось бубонной чумой по стране уродливое слово "диссиденты". Думаю, если бы Андропов не учредил в КГБ 5-е Управление, мы так никогда и не узнали бы, что оно обозначает. В этом смысле деятельность 5-го Управления заслуживает, несомненно, восхищения. Им удалось, казалось бы, невозможное: преподнести обществу литературные упражнения полутора десятка страдающих манией величия графоманов как смертельную угрозу социалистическому государству. А дело в сути своей яйца выеденного не стоило.

Сейчас мемуаристы из Числа бывших сотрудников андроповского ГБ в своих писаниях напирают на то, что это, дескать, КПСС (членами которой все они, кстати, являлись) и конкретно ЦК своими решениями понуждали их в былые времена обижать весенних грачей демократии. Скажу на это, что в мире есть очень мало вещей, в которых я рискнул бы назвать себя знатоком. В их числе — практика принятия решений ЦК, в этом, действительно кое-что смыслю. Так вот, положи руку на что угодно, свидетельствую, что ни одно сколь-нибудь значимое решение ЦК не могло быть принято без предварительного согласования с КГБ. Ни одно! В то же время верхушка КГБ, пользуясь влиятельным положением Андропова, сплошь и рядом практиковала перекалывание на ЦК ответственности за их решения, чреватые политическими осложнениями. Механика этого действа была проста, и потому безотказна. Кому-то из секретарей ЦК поступает красный конверт с грифом: "Вскрыть только лично". Вскрывает. В нем бумага "от соседей", примерно, следующего содержания: "В результате мероприятий КГБ установлено, что некий Абэвэгэдейкин совместно с (следует ещё пара, тройка неизвестных имен) организовали группу с целью написания аналитического материала, дискредитирующего органы власти СССР, с последующим его тиражированием в количестве 11 экземпляров. По мнению КГБ, публикация этого материала нанесет ущерб авторитету... В целях воспрепятствовать предлагается: 1.

Абэвэгэдейкина профилактировать; 2. с членами его группы провести разъяснительные беседы в парторганизациях по месту работы; 3. техническую аппаратуру для изготовления 11 копий изъять. Просим согласия". Что прикажете бедному Секретарю ЦК с этой бумагой делать? Ведь это же не кляуза из глубинки, которую можно было бы просто-напросто сбросить в архив. Это же документ солидного ведомства. На него необходимо реагировать. Он вызывает заведующего подведомственным ему Отделом и говорит: "Вот, Петрович, документ "от соседей". Ты подготовь по нему коротенький проект постановления Секретариата ЦК". Петрович идет к себе, вызывает доверенного аппаратного сочинителя, и тот ему быстренько "ваяет" проект: "По поступившей информации, некто Абэвэгэдейкин организовал группу... и т.д. В целях воспрепятствовать: 1. с членами группы провести беседы в партбюро по месту работы; 2. согласиться с предложениями КГБ по данному вопросу. Секретарь

ЦК....". Голосовались такие бумаги "в круговую", то есть гонец ходил из кабинета в кабинет и визировал проект у всех Секретарей ЦК по очереди. Последним ставил свою подпись Суслов как ответственный за работу Секретариата ЦК. Отсюда растет легенда о якобы сильной зависимости Андропова от идеологов ЦК и персонально от Суслова. Через пару недель все шустеры, вещавшие день и ночь с Запада на СССР, взволнованно сообщают своим слушателям, что ржавая гаррота коммунистической цензуры сдавила мертвой хваткой лебединую шею еще одного скворца демократических свобод, на этот раз по фамилии Абэвэгэдейкин. И все, дальше пошло — поехало на месяца, а то и годы. Хотя, бывало, Абэвэгэдейкин так и не собрался написать свою опасную статью. Тактика назойливого согласования с ЦК малейших действий КГБ преследовала вполне прозрачные цели. Во-первых, она демонстрировала или, более правильно, имитировала высокую степень лояльности гебистского ведомства по отношению к ЦК. Во-вторых, подставляла ЦК и партию под огонь враждебной пропаганды. В-третьих, освобождала КГБ от ответственности за собственные шаги. МНЕ САМОМУ ЕЩЁ ДО ПРИХОДА В АППАРАТ ЦК довелось столкнуться с методами порождения руками КГБ врагов Советской власти. Произошло это вот при каких обстоятельствах. В начале 70-х, после окончания аспирантуры МГУ, я преподавал несколько лет философию в одном из технических вузов недалеко от Москвы. Специфика этого учебного заведения заключалась в том, что, начиная с третьего курса, студенты получали допуск к сведениям, составлявшим государственную тайну. Разумеется, не бог весть какую. Как представителя гуманитарных дисциплин меня быстренько избрали заместителем секретаря парткома, и таким образом я получил возможность познакомиться с некоторыми теневыми моментами институтской жизни.

Это было время, когда в стране и вокруг неё кипели политические страсти в связи с проблемой "еврейской эмиграции" и попытками Советского правительства заставить отъезжающих на ПМЖ оплатить полученное ими в СССР бесплатно высшее образование. Позже мне стало известно, что Брежнев против этой меры возражал, настаивал на проведении в эмиграционных вопросах спокойной разумной политики, не допускающей дискриминации граждан по национальному признаку. Однако ведомство Андропова придерживалось на этот счет иной точки зрения, каковую на свой страх и риск воплощало в жизнь.

На уровне моего института гебистский подход проявлялся в том, что по линии 1-го, т.е. секретного, отдела осуществлялись абсолютно незаконные меры, препятствующие поступлению в вуз абитуриентов, которых чиновники отдела идентифицировали как евреев. Ни ректорат, ни партком института не имели к этим делам никакого отношения, хотя, разумеется, знали о них. Однако никому и в голову не могла запасть идея войти в конфликт с местными людьми Андропова. Вуз давал образование по ряду перспективных специальностей, поэтому от соискателей евреев заявлений со всей страны поступало довольно много.

Главная фильтрация осуществлялась, понятное дело, на приемных экзаменах. Специально подобранным для этой цели преподавателям поручалось провалить тех, на кого указал спецотдел. Они честно валили, но далеко не всегда сделать это было легко. Ребята из числа "нежелательных" в большинстве случаев были очень хорошо подготовлены. Поэтому случалось, что преподаватель после экзамена честно признавался чиновнику ГБ: такого-то я завалить не могу, он знает предмет лучше меня. В этом исключительном случае абитуриент становился студентом, но в течение первых двух лет обучения его не мытьем так катаньем все равно исключали. Смотреть на таких ребят во время их пребывания в институте было по-настоящему тяжело. Явно несправедливые "неуды" и другие неудачи сыпались на них со всех сторон. Они изо всех сил старались удержаться на плаву, но у них не было шансов.

Иногда во время вступительных экзаменов попадались помеченные гебистами абитуриенты, обладавшие не только замечательной учебной подготовкой, но и достойными бойцовскими качествами. Такие обращались за правдой в апелляционную комиссию, разбиравшую конфликтные ситуации. С работой этой комиссии, в составе которой я представлял партком, у меня связано одно яркое воспоминание. "Нежелательный" абитуриент родом из Киева, невысокий крепыш, внутренне туго взведенный, готовый к схватке, обратился в комиссию с возражениями против "неуда", полученного им за письменную работу по математике. По документам был он из рабочей семьи. Мать — маляр, отец — станочник на оборонном заводе. Между молодым человеком и преподавателем, поставившим ему "неуд", завязался вязкий спор, исход которого всем членам комиссии был известен заранее, и потому интереса не вызывал. Преподаватель неохотно соглашался, что абитуриент действительно получил правильные ответы экзаменационных задач, но использованный им при этом метод был неправильным, за что ему и поставили "неуд". Юноша возражал, упрямылся, чертил на бумаге математические формулы, разговор переходил в стадию раздраженного бессмысленного препирательства. Всем стало скучно. И тут этот замечательный парень сказал нечто. Он сказал следующее: ну хорошо, если я не

прав, то почему абитуриент такой-то, списавший мою работу слово в слово, получил за неё "отлично"? Вот те на! Все сделали свои уши столбиком. Послали в секретариат за названной работой. Сличили. Списано, словно под копирку. И в конце рукой того же преподавателя начерчен твердый "отл". Пьяный он был, что ли, когда проверял? Присутствующие опустили глаза и внутренне отмежевались от засветившегося так глупо экзаменатора. Лицо того пошло багровыми пятнами, но он продолжал настаивать на своем, скороговоркой сравнивал в двух работах какие-то скобочки, запятые. Юный киевлянин слушал молча, скрестив, как Монте-Кристо, руки на груди. Потом небрежно оттолкнул лежавшие перед ним на столе бумажные листки, исписанные формулами, и сказал так: "Ладно. Мы все понимаем, о чем здесь на самом деле идет речь". Встал и, не попрощавшись, вышел из аудитории. Мы все, свидетели этой сцены, не решались взглянуть друг другу в глаза. Было невыносимо стыдно. Вот тогда я догадался, что впервые присутствовал непосредственно при акте рождения из лона гебистского чиновничества очередного до глубины души врага Советской власти. Выйдя из аудитории, потерпевший крушение абитуриент оказался на развилке двух дорог. Одна — вела туда, где человек замыкается в себе, из года в год травит свою душу желчью внутреннего неприятия несправедливой к нему окружающей действительности. Другая — вела к решению покинуть собственную страну и перебраться на ПМЖ, туда, где мерещился шанс на равное с другими соперничество за место под солнцем. В 70-е годы второй путь выбирали многие. Вполне допускаю, что это и было подлинной целью антиеврейских интриг чиновников андроповского ГБ. Следует признать, однако, что подобными невинными жертвами становились на моих глазах не только представители избранной национальности.

"Бедные россияне, может, и немножко глуповаты, но память у них отличная".

Дж. Кьеза

Расскажу ещё одну историю времен своей партийной работы в вузе. Как и предыдущая, она так же дает представление о методах, какими порождало врагов Советской власти опасно расплодившееся при Андропове гебистское чиновничество, оправдывая тем самым свое бесполезное и даже порою вредное для страны существование. Поскольку с тех пор прошло много лет, искренне надеюсь, что эти строчки никогда не попадутся на глаза несчастному герою моего маленького рассказа. Суть такова. От институтских гебистов поступила в ректорат директива исключить под благовидным предлогом одного студента. Он был русским, родом из деревенской глубинки Мещёры. Имел не очень хорошую базовую подготовку, поэтому учеба давалась ему тяжело. Но был честолобив, сосредоточен, обладал сильным характером. Поэтому в целом с программой справлялся. Воспользовавшись своим положением заместителя секретаря парткома, я смог разузнать причину, по которой гебисты заподозрили в юноше потенциальную угрозу безопасности СССР. Она заключалась в следующем. Отец юноши умер или погиб, точно уже не помню. Мать через какое-то время вышла вторично замуж за жителя своей же деревни. Компетентные товарищи выяснили, что этот человек в полузабытые времена немецкой оккупации служил в деревне полицаем. Однако ничего такого, за что его можно было бы привлечь к уголовной ответственности, не совершил. Просто кто-то видел его с повязкой полицая на рукаве. Сам юноша, как удалось выяснить окольными путями, о прошлых грехах нового мужа своей матери осведомлен не был. Разумеется, ни он, наш студент, ни его мать, ни бывший полицай не догадывались о внимании органов к их семье. Те же, не найдя, видимо, в данном случае лучшего способа выказать свое служебное рвение, дали установку на исключение парня из института. Ни тогда, ни сейчас я не понимал и не понимаю логики этого требования. Но с ГБ, особенно при Андропове, не поспоришь. При первой же оказии юношу исключили за неуспеваемость. Однако, вопреки расчетам, он с этим не смирился. Устроился где-то в городе на работу, жил нелегально у друзей в студенческом общежитии, готовился, и через пару месяцев добился права на пересдачу экзамена. Разумеется, его снова провалили. Смотреть на него было невыносимо жалко. Он исхудал, пообносился, приобрел затравленный вид человека, не понимающего, за что судьба вдруг разом повернулась к нему спиной. Когда я бывало видел его в стенах института, всегда испытывал желание подойти к нему, как-то приободрить, сказать, чтобы он не тратил напрасно силы, не пытался восстановиться. Да, но как ответить на неизбежный в этом случае вопрос: почему? Короче, после очередного провала юноша снова стал готовиться к пересдаче. На жизнь зарабатывал от случая к случаю, ночевать по-прежнему пробирался тайком к друзьям в студенческое общежитие. Через какое-то время снова пришел на экзамен. Конечно же, его снова провалили. На этот

раз я увидел его в институтском коридоре, где он стоял, понутив голову, один у большого грязного окна после очередной неудачи. Меня больно задел его внешний вид. Он был в застиранной, но чистой белой рубашке с узким воротничком. В непритязательном галстуке. Русые волосы старательно приглажены. Дешевый поношенный костюм, с истертыми на локтях до блеска рукавами, предельно отутюжен. Стоптаные коричневые башмаки со шнурками "бантиком" помыты и почищены. Было заметно, что он сделал все, что только было в его силах, чтобы своим внешним видом произвести благоприятное впечатление на экзаменатора. Это зрелище перевернуло мою душу, я не сдержался, подошел к нему, сказал: "Ты больше не приходи сюда. Тебя все равно не восстановят. Поступай в другой институт". Дальше произошло то, чего я боялся. Он мертвой хваткой вцепился в мой рукав и выдохнул: "Почему?" Ну, и что я должен был ему отвечать? Я повторил: "Больше не приходи. Тебя не восстановят". И тут из глаз этого бедного деревенского мальчишки, ставшего под градом несправедливых ударов судьбы уже почти мужчиной, буквально потоком хлынули слезы. Не отпуская от себя мою руку, он, сквозь всхлипы, признался: "Я не могу. Моя мать умрет, если узнает, что меня исключили".

С тех пор прошли годы и годы, и уже в демократические времена я узнал из книг и газет, что, оказывается, гебисты при Андропове были не всегда столь бескомпромиссны в деле защиты государственной безопасности СССР, как в описанном выше случае. Оказывается, в то же самое, или почти в то же самое время, когда в нашем институте разыгрывалась драма с юношей из семьи бывшего полиция, в Москве Председатель КГБ Андропов по-отечески беседовал со своим начальником Управления "К" (контрразведка и внедрение агентов в разведку зарубежных государств) генералом Калугиным. Стало известно, что Калугин, сделавший при Андропове феерическую карьеру, является завербованным агентом ЦРУ США. И вот Юрий Владимирович журил генерала за это. Есть несколько свидетельств, подтверждающих, что Андропов уже в 70-е годы знал о сотрудничестве Калугина с ЦРУ. В частности, об этом пишет в своей книжке "Москва. Кремль. Охрана." генерал-майор в отставке Докучаев. В 1972-1975гг. он возглавлял отдел внешней контрразведки Первого главного управления КГБ СССР и, надо полагать, знает что говорит. С агентом Калугиным шеф КГБ поступил несравненно мягче, чем поступили его провинциальные клерки с бедным студентом. Агента не лишили генеральского чина, не вывели из штатов КГБ и не отдали под суд. Вместо этого Андропов провел с ним "серьезную беседу" и назначил заместителем начальника Ленинградского УКГБ. По мнению Докучаева, "это было сделано очень мудро", поскольку Андропов "полагал, что Калугин исправится и станет на путь честного отношения к порученному делу и к своим гражданским обязанностям". Не слабая была в СССР госбезопасность при Андропове, правда? Назначить одним из руководителей УКГБ в Ленинграде, где сосредоточено созвездие стратегически важных оборонных предприятий, человека, пусть хотя бы подозреваемого в работе на ЦРУ, для них было "очень мудро". Политический контекст этой ситуации понятен. Борьба за кресло генсека вступала в решающую фазу, и, естественно, Андропову не хотелось привлекать внимания к факту предательства в руководстве своего ведомства. А интересы личной карьеры всегда были для Андропова абсолютным приоритетом по сравнению с его служебным и партийным долгом. В случае с Калугиным, обеспечив ему безнаказанность, Андропов, получается, сам совершил акт государственной измены. На нем тогда вина за то, что предатель смог открыто вредить стране ещё в течение почти 30 лет, причинив своей деятельностью колоссальный ущерб интересам государственной безопасности СССР, а затем Российской Федерации. Только в июне 2002г., видимо, с высокого позволения президента Путина, Московский городской суд, наконец-то, решился публично назвать Калугина тем, кем он и был на самом деле со времен и под крылом Андропова: изменником Родины.

Хорошо известно, что любая идея, будучи доведенной до крайности, превращается в свою противоположность. Созданная в свое время с благими намерениями, система государственной безопасности СССР в эпоху Брежнева и Андропова неоправданно разбухла до умопомрачительных размеров, вышла из-под контроля со стороны КПСС и правительства, и в результате сама превратилась в угрозу для Советского государства. А руководитель этой системы, Председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов превратился в главного и самого опасного соискателя высшей власти в СССР. Способ, каким Андропов достиг исключительно сильного положения в составе брежневского ПБ, многократно доказывал свою эффективность на протяжении всей политической истории. Это — абсолютная лояльность, демонстративная преданность лично носителю высшей политической власти. Преданность не стране, не народу, не партии, не делу, не идее, а лично (!). В этом вся фишка. Те из читателей, кто ещё не совсем позабыли былое, помнят, наверное, что в пору позднего Брежнева по Москве ходило великое множество анекдотов, слухов, сплетен, в которых остроумно высмеивалось

угодничество по отношению к генсеку со стороны его близких соратников. Особенно доставалось при этом Черненко, отчасти Гейдару Алиеву. Однако, уверен, никто не вспомнит ничего подобного об Андропове. А между тем, именно он был в ПБ бесспорным чемпионом и образцом для подражания в том, что касалось мастерства тонкой лести, ненавязчивого угодничества, умной демонстрации чувств личной преданности генсеку. Андрей Громыко, как мининдел профессионально разбиравшийся в качествах протокольной лести, сказал об Андропове: "в нем лояльность к Брежневу переросла все разумные рамки".

Чтобы понять, почему столь примитивная тактика принесла Андропову большой успех, надо представить себе положение, в котором долгое время находился в Политбюро Брежнев. Рядом с ним работали люди, чей политический и профессиональный опыт очевидным образом превосходил его собственный. Это, прежде всего, Косыгин, считавший экономику сферой своего исключительного влияния, и болезненно реагировавший на любые попытки постороннего в неё вмешательства. Надо сказать, что до 1976г., то есть до начала катастрофического вымирания Политбюро, правительство занимало в нем сильные позиции. Помимо самого Косыгина, в нем были представлены также два его первых заместителя: Мазуров и Полянский (в 1973-1976гг. министр сельского хозяйства СССР). Сейчас, кстати сказать, в России принялись публиковать труды, трактующие тему так называемого "русского национализма". В том числе и в составе высшего политического руководства СССР. Если верить их авторам, "русскими националистами" в ПБ были: Кириленко, Мазуров, Машеров, Полянский, Романов, Шелепин. Особенно ужасным "русским националистом" был белорус Машеров, кандидат в члены ПБ, первый секретарь ЦК КП Белоруссии. Но, кстати, и Косыгин, имея своими первыми замами сразу двух "русских националистов" и упорно продвигая на место Брежнева "русского националиста" Романова, не страдал ли и сам этим пороком? Все может быть. Случайно или нет, но так совпало, что ни один из перечисленных выше "националистов" не пережил, физически или политически, Андропова. За исключением Романова. Но того, придя к власти, сразу же добил Горбачев. А больше других досталось Герою Советского Союза, Герою Социалистического Труда 62-летнему любимцу партии Петру Мироновичу Машерову. Светлым днем, в сухую погоду 4 октября 1980г., за пару недель до Пленума ЦК КПСС, на котором предстояло решать к очередному съезду партии важные кадровые вопросы, он вдребезги разбился на глазах ответственных за его жизнь гебистов в автомобильной катастрофе, словно пенсионер-подснежник, впервые выехавший на своей "чахотке" из гаража после зимней спячки. На место Машерова в ЦК КПБ посадили Тихона Киселева. До этого он много лет работал в республике на высоких партийных и государственных постах, а с 1978г. ходил в простых замах у Косыгина вместо "националиста" Мазурова, которого к тому времени успели спровадить на пенсию. О Киселеве было доподлинно известно, что он тяжело болен. Он и в самом деле беззвучно умер, спустя всего два года после избрания его на место Машерова. Вот так в "золотой век" КГБ развязывались в нашей стране мертвые узлы большой политики: нет "националиста" — нет проблемы.

Однако. Если Косыгин подавлял своим авторитетом Брежнева в экономике, то Суслов — в идеологии, Громыко — в международных делах. Ведь Громыко уже в 1943г. был послом СССР в США, когда Брежнев ещё только занимался политической работой среди бойцов действующей армии. Маршал Гречко, добровольцем вступивший в Красную Армию аж в 1919г., позволял себе иной раз публично воспитывать генсека по вопросам оборонной политики. Он также не считал нужным скрывать своё негативное отношение к разбуханию штатов КГБ, а под настроение — и лично к руководителю этого ведомства. Подгорный звал Брежнева Лёней, при встрече, как равный, трепал его по плечу. Мог хлопнуть Брежнева по плечу и Кириленко, который так же звал генсека Лёней. Громыко — Леонидом. В целом это был очень сильный состав Политбюро, последняя затухающая волна кадров сталинского набора. Нет никаких оснований полагать, будто Брежнев хотел избавиться от того же Косыгина, Суслова или Громыко. Но он испытывал естественное в его положение желание, уверенно чувствовать себя их лидером. Вот это чувство с годами росло и крепло в нем, пока не доросло до "культа личности". И всё благодаря союзу с Андроповым.

Как хорошая мать любит своего ребёнка только за то, что он есть на этом свете, так и Андропову от Брежнева требовалось только, чтобы он был. Ничего более. Анатолий Громыко, сын Андрея Андреевича, в своих воспоминаниях передает рассказ отца о реакции Андропова на раздумчивую фразу Брежнева: "А не уйти ли мне на пенсию? Чувствую себя плохо все чаще. Надо что-то предпринимать". По свидетельству Андрея Громыко, Андропов среагировал мгновенно и очень эмоционально: "Леонид Ильич, вы только живите и ни о чем не беспокойтесь, только живите. Соратники у вас крепкие, не подведем". Эту фразу "только живите", — заключил старший Громыко, — сказанную каким-то

неестественным для него жалостливым тоном, слышу даже сейчас". Скажите-ка, кто из смертных, окажись он на месте Брежнева, не растаял бы под лучами столь не притворной горячей преданности? Но в политическом арсенале Андропова имелся и другой способ смотреть на Брежнева. Вполне возможно, что, вскрикнув "только живите", он отправился на конспиративную квартиру, где провел интенсивную встречу с Чазовым. Тот его регулярно информировал о состоянии здоровья и жизненных перспективах не только Брежнева, но и других членов ПБ. Но Брежнева, конечно, в первую очередь. Будучи нормальным русским чиновником, хотя и в академических одеждах, Чазов предпочитал перестраховаться, поэтому предсказывал, что генсек может умереть в любой момент. Поэтому надо потарапливаться. После этого, вполне допускаю, Андропов ехал к себе на работу, где у себя в кабинете долго беседовал с глазу на глаз с особо доверенным начальником своего любимого детища 5-го Управления. Они что-то кумекали, прикидывали, выстраивали. В России испокон веку заведено: кто что хранит, тот то и имеет. 5-е Управление создавалось под флагом борьбы с идеологическими диверсиями. Но, насколько понимаю, в годы продвижения Андропова к власти оно само стало главным производителем идеологических диверсий. Во всяком случае, ни до, ни после существования этого Управления в стране не было такого обилия всевозможных слухов, порочащих высшее руководство, за исключением Андропова, как в пору борьбы 5-го Управления с идеологическими диверсантами. При казалось бы стихийном характере этих слухов, в целом они выстраивались в гармоничную композицию. Дело представлялось так, будто наверху все погрязли в воровстве и коррупции; Брежнев впал в старческий маразм и всеми силами цепляется за власть, препятствуя сотрудникам КГБ в их борьбе против взяточников и коррупционеров. Члены семьи генсека, как гласили слухи со ссылкой на источники в ГБ, воруют и берут взятки сотнями тысяч долларов, а в рублях — миллионами. И посреди этого бедлама ходит весь в белом Юрий Владимирович, которому Брежнев не позволяет восстановить справедливость и обуздать высокопоставленных мафиози. Но всё это были слухи, на них ведь в суд не подашь. О вскриках же типа "вы только живите" никто, конечно, никаких анекдотов не слышал.

Думаю, что образ Андропова как бескомпромиссного борца против коррупции и прочих безобразий чиновничества, который и по сей день бытует в нашем простодушном народе, является на самом деле продуктом 5-го Управления КГБ. Убедительных, судебно подтвержденных примеров под благодное полотно "Андропов в белом" найти трудно. А факт снятия прокуратурой обвинений с Медунова показывает, что люди Андропова не пренебрегали клеветой как методом достижения политических целей. Однако и по сей день, даже в оппозиционной печати, нет-нет, да и всхлипнут: "был бы жив Андропов!". Есть чувство, что впереди нам всем ещё додадут, если вдруг кому-то чего-то не додали при живом Юрии Владимировиче. "Из леса выходит серенький волчок./ на стене выводит свастики значок". — это строчка из современной "Колыбельной бедных" поэта Всеволода Емелина. Греет душу, не правда ли?

Поворотным моментом в трагической истории Советского Союза явился XXV съезд КПСС, проходивший в Москве с 24 февраля по 5 марта 1976г. В период подготовки съезда шла напряженная закулисная борьба между сторонниками и противниками сохранения Брежнева на посту генсека. Группу первых возглавил Андропов, вторых — Подгорный. С трудом Андропову удалось выиграть эту партию. XXV съезд явился своеобразным апогеем политической карьеры Брежнева. Незадолго до съезда Генеральный секретарь поставил от имени СССР свою подпись под Заключительным актом Хельсинкского соглашения по сотрудничеству и безопасности в Европе, что явилось выдающимся успехом советской внешней политики. Внутри страны началось строительство БАМа, формирование крупнейших топливно-энергетических и территориально-производственных комплексов в Западной Сибири, Красноярском крае, на юге Якутии. Со временем будет на что погулять Чубайсу и Абрамовичу. Словом, дела в стране шли на подъем. Брежнев под гром аплодисментов был переизбран на новый срок. Видимо, в этот период доверие генсека к Андропову превзошло всяческие границы. Однако и сам Юрий Владимирович окреп в борьбе с оппонентами Брежнева настолько, что уже смог конвертировать доверие генсека в реальные политические дивиденды для себя самого.

Утром 26 апреля не вышел из своей комнаты, чтобы ехать на службу, самый опасный противник Андропова среди членов Политбюро министр обороны СССР 72-летний маршал Советского Союза Гречко. Охрана обнаружила его мертвым. Что? Как? Почему? Не видели, не слышали, не знаем. Вот так мы и жили под охраной полумиллионной ГБ. Ключевые для государства политические фигуры уходили из жизни тихо, как полевые мышки. Никаких серьезных официальных расследований, насколько мне известно, не проводилось. Да и что, собственно, расследовать. Умер и умер, дело житейское. Влияния Андропова хватило и для того, чтобы убедить Брежнева заместить ставшую вакантной должность

министра обороны членом ПБ, Секретарем ЦК по вопросам оборонного комплекса Устиновым. Это было неординарное решение, поскольку раньше Устинов никогда не состоял в армейских рядах. О его политических способностях Брежнев был невысокого мнения. По свидетельству бывшего помощника Устинова генерал-полковника Илларионова, генсек по признаку политических талантов причислял его шефа к разряду "дохлых хозяйственников". Время, кстати сказать, вполне подтвердило эту характеристику. Тем не менее, Устинов получил звание Маршала Советского Союза и пост министра обороны СССР, сохранив при этом за собой курирование по линии ПБ отраслей ВПК. То есть как министр он формировал оборонный заказ, а как член ПБ сам же и руководил его исполнением. Настал "золотой век" и для армейской верхушки. Гуляй, не хочу. Однако наиболее существенным в новом назначении Устинова, с точки зрения расстановки сил в Политбюро и в целом в стране, было то, что новый министр обороны находился под сильнейшим влиянием Андропова. Истоки этого влияния мне неизвестны. Оставляю за скобками предположение, что двух главных защитников внутренней и внешней безопасности Советского государства могло связывать общее знание тайны смерти маршала Гречко. Возможно, имелась другая причина. Устинов начал свою государственную карьеру в 1941г. наркомом вооружений СССР. В этой должности он работал под строгим повседневным руководством Лаврентия Берия. Может быть, с той поры в нем жил синдром некой пришибленности по отношению к госбезопасности. Так или иначе, но как министр обороны Устинов всегда, вплоть до кончины Андропова, шел за ним по каменистым тропам большой политики, как слепец за поводырем. Заменой неудобного ему министра обороны не исчерпываются политические дивиденды Андропова по итогам XXV съезда. В 1976г. он добился наконец, что КГБ избавился от добавки "при Совете Министров СССР", превратившись в самостоятельное ведомство. Как его глава Андропов получил звание генерала армии.

Таким образом благодаря усилиям Андропова конфигурация политических сил и влияний на вершине власти в СССР претерпела в 1976г. радикальные изменения. Впервые в истории Союза политическое руководство страны в лице Брежнева допустило сближение конъюнктурных интересов высших бюрократий госбезопасности и армии при доминирующей роли в этом непрочном партнерстве КГБ. Это чрезвычайно важный момент в поздней истории Советского государства, который одни, возможно, назовут началом буржуазного перерождения политической системы СССР, другие — началом ползучего государственного переворота, завершившегося в ноябре 1982г. приходом к власти Андропова. Сейчас в российской прессе часто пишут и говорят, что к власти в стране приходят силовики. Они не приходят, они возвращаются. Или уже вернулись. В далеком 1931г., в период индустриализации, когда в стране возросло влияние корпоративных объединений, Сталин предостерегал от опасности превращения партии большевиков в "конгломерат ведомственных шаяк". В 1976г. эта опасность стала реальностью. В обстановке напыщенной фальшивой риторики о возрастании руководящей роли КПСС эта роль на самом деле была катастрофически ослаблена. Начался процесс деградации внутренней жизни партии. В политической системе СССР основная функция КПСС заключалась в осуществлении политического контроля за деятельностью государства с тем, чтобы она, эта деятельность, в полной мере отвечала политическим и экономическим интересам трудящихся масс. В результате подрыва позиций партии ослабили и её контрольные функции, что повлекло за собой подчинение работы государственного механизма корпоративным интересам "ведомственных шаяк". В первую очередь, разумеется, самым мощным из них — КГБ и армии. Вся опасность такого положения дел, кстати сказать, хорошо понимал сам Андропов. В недолгий срок своего пребывания на посту генсека он предпринимал экстраординарные меры для восстановления функций партийного контроля деятельности государства. О ситуации после 1976г. Рой Медведев пишет: "Постепенно Ю. Андропов стал сам расширять сферу своей деятельности много дальше, чем этого требовали служебные интересы КГБ". Это тот редкий случай, когда я согласен с апологетом Андропова. После 1976г. свежееиспеченный генерал армии Андропов по своим устремлениям и возможностям стал превращаться на политической арене СССР в нечто значительно более важное, чем просто Председатель КГБ. Он вырос в самого влиятельного после генсека политического деятеля, за спиной которого стояла одна из самых мощных и, безусловно, самая многочисленная из всех спецслужб, существовавших тогда в мире. Уже никто не мог позволить себе игнорировать его мнения, в том числе и Брежнев. Для генсека наступала горькая пора тяжелых платежей по долгам 1967г.

Новое назначение Устинова окончательно оформило антагонистический раскол Политбюро надвое по вопросу о возможном преемнике Брежнева. Одну часть составили Андропов, Устинов и примкнувший к ним Громыко. Вторую — остальные члены ПБ: Гришин, Кириленко, Косыгин, Кулаков, Кунаев, Мазуров, Пельше, Подгорный, Романов, Суслов, Щербицкий. Большинство ни под каким видом не

желало видеть Андропова в роли кандидата на пост генсека. С их стороны на эту роль постепенно выдвигался Щербицкий. Однако если формально перевес в данном случае был на стороне большинства, то реальная власть находилась в руках группы Андропова. "Винтовка рождает власть", — сказал человек, понимавший толк в этой материи. Но в силу болезни у Андропова не было времени ждать, пока оппозиционное большинство ПБ, в отличие от него самого не имевшее в руках винтовки, вспомнит эту фундаментальную истину и смирится. Поэтому, насколько понимаю, он предпринял некоторые меры с целью корректировки состава ПБ в свою пользу. В августе 1976г. большое несчастье приключилось с Косыгиным. Попытавшись во время отдыха на служебной даче покататься на лодке-байдарке, он перевернулся головой в воду и, как утверждают знатоки байдарочных технологий, чудо, что он остался жив. Его спасла охрана. Более часа премьер находился в бессознательном состоянии. Позже он говорил об этом случае, что побывал на том свете и ничего хорошего там не увидел. После этого инцидента жизнь Косыгина стремительно покатилась к закату, а его политическое влияние — к нулю. На Пленуме ЦК в октябре 1980г., пока сам Косыгин после очередного инфаркта лежал в больнице, его заочно, путем организационного мухляжа, вывели из ПБ. Говорю о "мухляже", поскольку в официальных документах Пленума вопрос об освобождении Косыгина не значится. Через пару месяцев Алексей Николаевич, проработавший с Брежневым 16 лет, умер. В мае 1977г., без объяснения причин, выпроводили из ПБ в отставку строптивого Подгорного. Лёне пришлось возложить на себя его нелегкие обязанности главы государства. Вот так романтическая идея коллективного руководства, рожденная в схватке с "волюнтаризмом", велела долго жить. Утром 17 июля 1978г. казус маршала Гречко приключился с членом ПБ, Секретарем ЦК 60-летним Кулаковым, предшественником Горбачева в кресле первого секретаря Ставропольского крайкома. Его обнаружили в спальне мертвым. Как? Что? Почему? Полумиллионный КГБ не видел, не слышал, не знает. Редкие авторы, затрагивающие этот сюжет, непременно скажут о початой бутылке водки, обнаруженной якобы у тела мертвого Кулакова. Напоминает знаменитые кадры телерепортажа с Дубровников. Там тоже одному из мертвых подложили бутылку. Правда, коньяку. На место Кулакова в ЦК Андропов буквально протиснул Горбачева, которого давно присмотрел на роль своего "крота" среди секретарей ЦК КПСС. В декабре 1979г. Андропов и Устинов безответственно втянули советские органы госбезопасности и армию во внутренний конфликт в Афганистане. В своей книжке Рой Медведев прилагает большие старания, пытаясь доказать, будто это Брежнев, а не Андропов, повинен в принятии соответствующих решений. Он даже придумал для этого Брежневу звание верховного главнокомандующего. Мол, как верховный Брежнев приказал. Честно признаюсь, никогда не слышал, что Брежнев был верховным главнокомандующим. Председателем Совета обороны — да, но верховным? Историк, по-моему, путает Брежнева с Ельциным. Это никогда не служивший Ельцин был верховным главнокомандующим, одновременно военным дирижером, палачом Советской власти и пропойцей. У Брежнева на такое обилие важных дел просто рук бы не хватило. А что касается вопроса "кто виноват в Афганистане?", то представим себе ситуацию: Брежнев хочет воевать, а Андропов с Устиновым нет. И что, была бы тогда война? То-то и оно, что ни в коем разе. Поэтому зачем историку зря поднимать пыль в архивах. Характерно, что на известном заседании ПБ от 12 декабря 1979г., принявшем формальное решение о вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан, глава Советского правительства Косыгин, единственный, кто ещё мог возражать Андропову, отсутствовал.

Новый состав Политбюро, избранный в марте 1981 г. по итогам очередного съезда КПСС, показал, что хлопоты Андропова по его корректировке не прошли даром. Правда, число его сторонников увеличилось всего на одного человека, на Горбачева. Зато ряды противников стали не только реже, но и "жиже", в смысле их реального политического веса: Гришин, Кириленко, Кунаев, Пельше, Романов, Суслов, Тихонов, Черненко, Щербицкий. Самостоятельными фигурами в этом раскладе были только Кунаев и Щербицкий, но они предпочитали держать дистанцию от кремлевских интриг. Группа Косыгина ликвидирована, а нового премьера, 76-летнего Тихонова, в расчет можно было не принимать. О 82-летнем Председателе КПК при ЦК КПСС Пельше и говорить не приходится. Да и остальные были не более чем высокопоставленными партийными чиновниками. Между тем после начала афганской кампании политическое влияние Андропова в сочетании с Устиновым неизмеримо выросло. Не будет ошибкой сказать, что уже в это время реальная политическая власть в СССР оказалась практически полностью в руках высших иерархов КГБ и армии.

В январе 1982г., успешно пройдя плановую диспансеризацию, одномоментно скончался на руках людей Чазова Секретарь ЦК Суслов. Андропов перебрался в ЦК на его место, совсем близко к креслу генсека. Это был исключительно опасный трюк. Ведь в новой роли Юрий Владимирович формально утратил связь с главным источником своей силы — с центральным аппаратом КГБ, где новым Председателем

стал Федорчук, человек Щербицкого. Но, похоже, за 18 лет руководства Андропов сформировал в бездонных недрах этого ведомства свой личный "эскадрон", который свято хранил верность своему создателю и во время его краткосрочной отлучки. Пост так называемого второго секретаря, который занял в ЦК Андропов, был далеко не самостоятельным. Правда, по традиции, он давал право на руководство работой Секретариата, но повестки заседаний Секретариата утверждал генсек; он же, как правило, подписывал и принятые Секретариатом решения. Часто также пишут, будто в ЦК Андропов, подобно Суслову, руководил идеологией. Это неверно. Круг обязанностей каждого Секретаря ЦК определялся решением Политбюро в зависимости от конкретной ситуации. С приходом Андропова руководство одним из трех ведущих отделов ЦК, Отделом пропаганды, было оставлено за Черненко. Два других ведущих отдела, Организационный и Общий, традиционно "замыкались" на генсека, а в рабочем режиме за ними присматривал также Черненко. Так что Андропову была определена весьма узкая сфера деятельности, по сути, одни международные отделы. Однако как второй секретарь он имел привилегию председательствовать, по предварительному согласованию с генсеком, на заседаниях Политбюро в случаях, когда генсек был болен или находился в отпуске. Словом, в этот момент позиции Андропова оказались слабы, как никогда. Соответственно его противники в ПБ усилили нажим на генсека, и чаша весов в борьбе за власть стала склоняться в пользу Щербицкого. Накануне ноябрьских праздников Брежнев по телефону устроил Чазову допрос с пристрастием о состоянии здоровья Андропова. Пообещал после праздников к этой теме вернуться. Юрий Владимирович страшно занервничал. На конец ноября планировался очередной Пленум ЦК. На нем ожидалось важные кадровые перестановки. В Орготделе узкая группа занялась подготовкой положения "О Председателе партии". Поговаривали, что на Пленуме этот статус обретет Брежнев, генсеком же станет кто-то другой. Утром 9 ноября Брежнев выехал из Завидова в Кремль на работу. Перед выездом от него в приемную передали Захарову указание пригласить на 12-00 к генсеку Андропова. Встреча состоялась. Вроде бы на ней был кто-то ещё. О чем говорили, доподлинно неизвестно. Однако, исходя из общей ситуации, можно утверждать с высокой степенью вероятности, что Андропову было сказано о принятом решении рекомендовать на ближайшем Пленуме к избранию генсеком Щербицкого. Андропову как второму секретарю предстояло заняться организационной стороной подготовки Пленума. Утром следующего дня Брежнева обнаружили в спальне на даче в Кунцеве мертвым. Кто? Как? Почему? Ответ известен. По свидетельству Владимира Медведева, сотрудника охраны Брежнева, первым на дачу прибыл Андропов. Был сосредоточен, деловит, волос на голове не рвал. Следом прикатил верный Чазов. За ним — "скорая помощь". Членов ПБ на дачу не допустили. Видите ли, Виктория Петровна не велела. Особенно велела не пускать Черненко. Ну да, он-то, наверное, и был третьим на последней беседе генсека с Андроповым. Мне уже раньше доводилось писать в "Завтра" о многочисленных неясностях в обстоятельствах смерти Брежнева. Поэтому не буду педалировать здесь эту тему снова. У меня не вызывает сомнений, что Брежнев пал жертвой политического убийства в пользу Андропова. Впрочем, так же, как раньше такими жертвами стали Гречко, Кулаков, Машеров и Суслов. Но это я так думаю. Других ни в чем не убеждаю.

На Политбюро, разумеется, под председательством Андропова, избрать его генсеком предложил "дохлый хозяйственник" Устинов. Он, наверное, сказал: "Предлагаю Юрия Владимировича как ближайшего соратника ныне покойного Леонида Ильича", — и замедленно стряхнул с маршальского погона невидимую пылинку. Сидевшие вокруг стола члены дружно опустили в знак согласия свои головы. Ведь среди них не было самоубийц. Помню, когда я только что пришел на работу в аппарат ЦК, один из тамошних старожил сделал мне по доброте душевной напутствие: "Запомни, — сказал он, — здесь есть дураки, но нет лопухов. Здесь все всё секут". Члены Политбюро, "избирая" Андропова, конечно, тоже "секли", что именно вокруг них происходит. 12 ноября 1982г. внеочередной Пленум ЦК КПСС под гром оваций официально провозгласил Андропова своим новым Генеральным секретарем. Спустя полгода, генсек присовокупил себе ещё и пост Председателя Президиума ВС СССР. Это был завершающий этап классического государственного переворота, в результате которого Андропов абсолютно сосредоточил в своих руках всю полноту власти над самым крупным государством на планете. Со времен княгини Ольги ни один русский сирота не достигал в России столь грандиозных карьерных высот.

Должен признаться, что в глубине души сам я не очень порицаю Андропова за те темные истории, что сопровождали его по пути наверх. В конце концов большая политика и тайные убийства, а также прочие подлости сочетаются нормально, как, например, футбол и переломанные ноги. Издержки профессии. Однако мне представляется исторически непростительным преступлением Андропова против России в образе СССР и против населяющих её народов то, что, будучи 68-летним смертельно больным человеком, он, тем не менее, домогался высшей власти и в конце концов неправыми

средствами узурпировал её в своих слабеющих руках. Это был акт откровенного пренебрежения жизненными интересами великой страны, демонстрация глубокого презрения к судьбам советских народов. Многолетнее пребывание Андропова на посту Председателя КГБ, его интриги в личных целях привели к тому, что в начале 80-х на вершине власти в СССР не осталось никого, кому было бы по силам и по чести взвалить на себя тяжелую ношу политического лидерства в измотанной мелкими неурядицами стране. Поэтому, когда в феврале 1984г. Андропов умер, процесс смены власти вышел из под какого-либо контроля и приобрел неуправляемый характер. Это стало началом небывалой геополитической катастрофы. Когда в том же 1984г. испустил дух маршал Устинов, последний лев сталинской эпохи, настал черед мелких партийных шакалов. Не без поддержки со стороны КГБ новым генсеком стал андроповский "крот" в ЦК Горбачев, политический шулер и демагог. На протяжении всей его, губительной для страны, карьеры КГБ опекал шулера, пока в августе 1991г. он не предал и само это достойное ведомство, подведя его под тупоголовую дубину марионетки Бакатина.

Кстати, случайно или нет, но в те самые дни, когда российское общество переживало трагедию теракта в московском метро, в Интернете появились сообщения об очередной подкормке Западом Горбачева, на этот раз в форме приза Национальной академии звукозаписи США "Грэмми". Смотри, Россия, и учись ненавидеть. Хотя бы тех, кто тобою торгует.